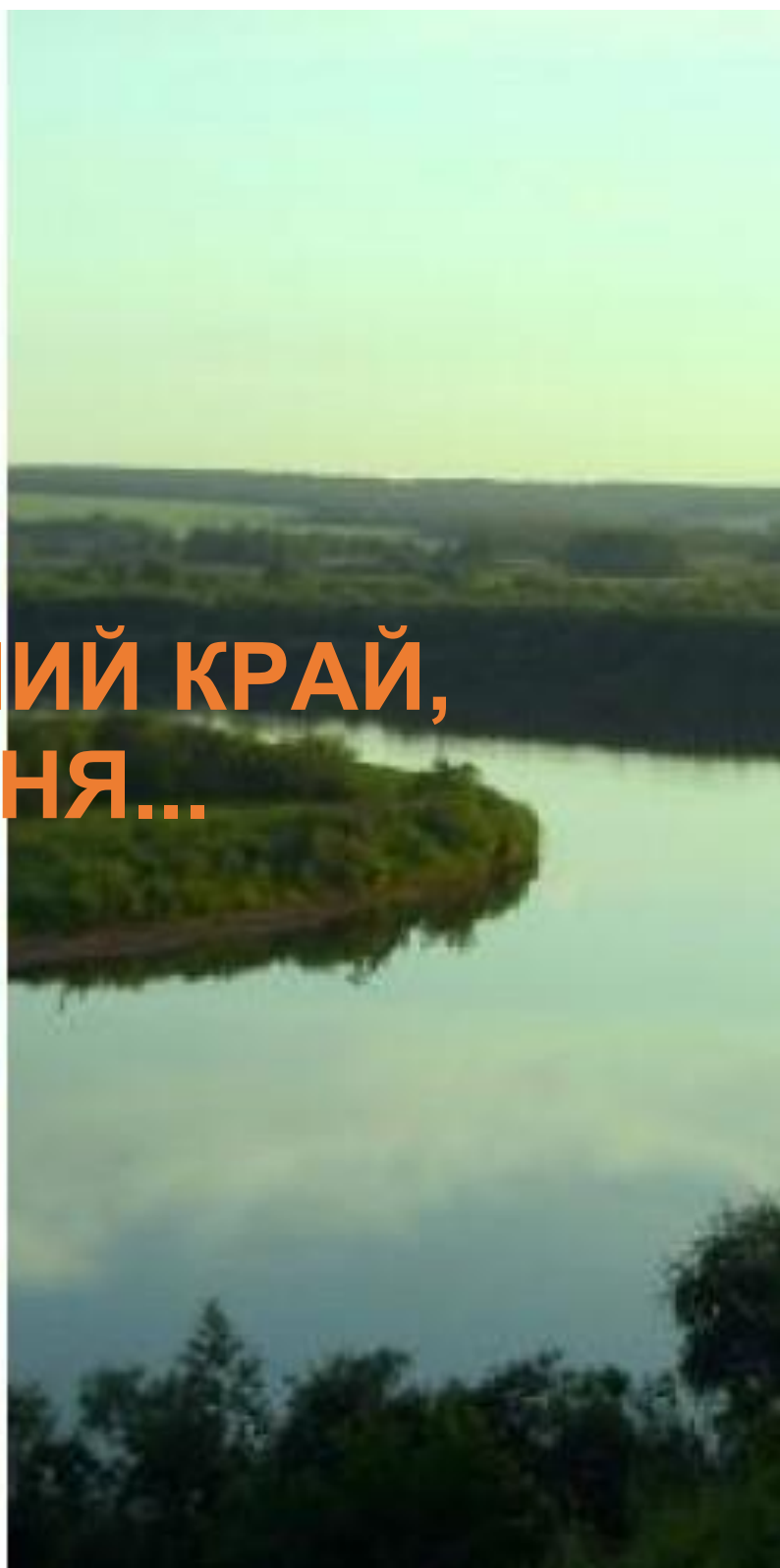
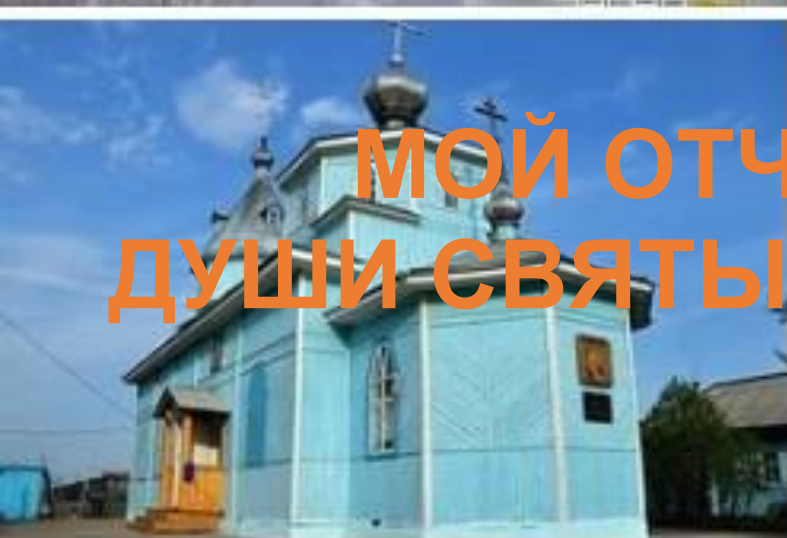

МОЙ ОТЧИЙ КРАЙ,
ДУШИ СВЯТЫНЯ...

Геннадий Тисленков

О, березовые рощи
Причулымской стороны,
С вами я сильнее и проще:
Вы, как песни, мне нужны.

**МОЙ ОТЧИЙ КРАЙ,
ДУШИ СВЯТЫНЯ...**

2015 год

**Александр ЕРОХОВЕЦ — Красноярский писатель о поэзии
Геннадия Тисленкова -1999 год**

Вот только недавно наконец-то дошел до меня поэтический сборник Геннадия Тисленкова «Синица в небе», изданный посмертно и подаренный мне сестрой поэта. Я и раньше знал, что Геннадий хороший поэт, старательно вырезал из районной боготольской газеты его стихи, но какой именно хороший- большой и талантливый- понял только сейчас, когда близко познакомился с его подлинным творчеством, с тем, что по разным причинам не публиковалось ранее, но что составляло его сущность, наполняло его душу и сердце, занимало его разум, представляло его истинную личность. И для нас, читателей, это просто большое счастье, что стихи одаренного поэта не сгинули, не пропали, не затерялись, разбросанные там и сям в разных газетах или погребенные навек в архивных папках автора, если таковые могли быть, до которых вряд ли когда-нибудь кто-либо докопался, ибо при жизни Геннадий Тисленков не смог издать ни одной книжки своих стихов, и мало бы кто знал, что вообще такой поэт существовал на свете. Но теперь мы узнали и приняли его для себя. И низкий поклон за это его сестре Людмиле Ивановне Самойкиной, сумевшей любовно и бережно собрать стихи брата и с немыслимыми в наше безжалостное и равнодушное время упорством и настойчивостью, равносильными подвигу, пробить их для издания отдельной книжкой. Спасибо и нашему земляку-боготольцу депутату Государственной Думы Владимиру Тетельмину, чьи политические взгляды я отнюдь не разделяю, но с чьей доброй помощью и при финансовой поддержке которого была издана эта книга стихов: его великодушный и благородный поступок, я думаю, со временем будет по достоинству оценен нашими земляками.

Геннадий Тисленков воистину прекрасный поэт, сейчас я полностью убедился в этом, - своей поэзией, на мой взгляд, он сродни Сергею Есенину и Николаю Рубцову, великим русским национальным поэтам нынешнего столетия. Однако он вполне самостоятелен и самобытен, умеет петь своим собственным, непохожим на чьи-либо другие, лирическим голосом, так, как советовал когда-то Есенин: «Миру нужно песенное слово петь по свойски, даже как лягушка».

И он поет с удивительной легкостью и непринужденностью обо всем, на чем остановит свой изумительный волшебный взгляд художника: о любви, о природе, о селе, об отчем доме, о рыбалке, о синичке, об ухудшающейся с каждым днем жизни, поет искренне, проникновенно и самозабвенно, создавая эмоциональные запоминающиеся образы, облекая свои напевы в высоко поэтичную форму, пронизывая их взволнованным сердечным трепетом, наделяя их произвольно как бы само собой выливающейся народной мудростью

и необыкновенной светлостью, Это передается даже в самых, как было принято говорить раньше, упаднических стихах. Но к нашей радости, таких стихов у поэта очень мало, возможно, благодаря тщательному и умелому отбору составителя- красноярского поэта Николая Еремина. И все-таки, как мне показалось, кое-где составитель нарочито сгруппировал подобные стихи, чтобы, возможно, хоть как-то приуменьшить поэтическую роль самобытного поэта, приравнивая его к среднему уровню большинства современных стихотворцев, что, конечно же, умаляет и искажает подлинный светлый облик талантливого поэта.

В поэзии Геннадия Тисленкова преобладают лучезарные солнечные стихи, пронизанные ощущениями прекрасной жизни, дарованной свыше людям, ее вечной неувядаемой красотой, наполненные надеждами на лучшую долю, наделенные неистовым желанием делать добро людям, животным, всему окружающему нас миру, - это, на удивление, довольно оптимистические и жизнерадостные стихи, несмотря на трудную невзрачную личную жизнь самого поэта, которого все время, как рок, преследовали житейские невзгоды и неурядицы, зачастую и по собственной вине, но без них, я уверен, и не стало бы такого чуткого и отзывчивого на чужие боли поэта; он постоянно ощущал недоумение и непонимание со стороны близких и даже горячо сочувствующих его поэзии людей. Но у него была настоящая душа поэта, в какой-то мере родственная только великим и гениальным, - мятежным, бунтующим, не успокоенным, не желающим смириться с любой несправедливостью вокруг, начисто отвергающая расчетливое умение строить свое благополучие и упорядоченность на бедах других.

«Не делец я, - признается он в одном из своих стихотворений, - не создан для бизнеса, а вернее для спекуляции, Я поэт и боюсь не кризиса: мне страшна лишь души инфляция. Не хочу жить на свете униженным и в гробу краснеть пред потомками, Пока в мире дворцы и хижины, справедливость - понятие темное. Я не гений, не лезу в великие. Лучше быть, как сейчас повесю, чем душонку иметь двуликую!» Это он писал в 1995 году, незадолго до своей практической гибели...

Той осенью два отупелых, подонка-негодяя заявили к нему, живущему одиноко отшельником, с бутылкой водки, якобы разыскивая сбежавшую у одного из них жену, о которой, конечно же, поэт ни сном ни духом не ведал. Но встретил он их приветливо, ибо был рад любой явившейся к нему в тот момент живой душе, самому хотелось хоть перед кем-то излить свою удрученную душу, и был убит ими безжалостно и хладнокровно лишь за то, что был несколько не похож на них, хотя вместе с ними и пил водку, за то, что одухотворенно и радостно в свой трудный смертный час читал свои непонятные им стихи, призывающие совсем к иной, чем у них, жизни. Убили его просто так походя, совсем не ведая, как и Дантес когда-то, на что руку поднимали. Хотя Дантес, конечно же, отлично знал, в кого он стрелял на дуэли. А эти... Один из

них уже с улицы вернулся в дом, чтобы добить умирающего поэта. Этого бандита до сих пор так и не нашли, хотя он был из соседней-Кемеровской области. Да,видимо, не особенно и искали его,потому что совершенно не представляли,какого человека лишилась в этот час Россия.

*Людам в жизни я солнца не застил,
Корку хлеба с голодным делил...
К сожаленью, о собственном счастье
В суматохе житейской забыл.*

Именно только мятущаяся,обеспокоенная и отзывчивая душа и делает поэта великим, причастным ко всем бедам, обидам и унижениям на земле, ко всему, до чего порой просто больно дотронуться, потому нисколько и не щадящему себя. Потому Геннадий и носил под сердцем ножевую рану,полученную,когда защищал от изувера женщину, потом же и предавшую его самого, своего защитника. Его смерть на совести этой женщины и жены,оставившей его без крова,отторгнувшей его от собственного сына, о ком так нежно и трогательно вспоминал все время поэт. Но все эти предательства и столкновения, на грани жизни и смерти ,, так и не научили Геннадия жить осторожно и бережно, он по-прежнему оставался верен себе-таким же соболезнающим и сочувствующим всем униженным и оскорбленным,жалеющим даже чужую бездомную собаку, всю ночь воющую где-то окрест, и тревожащую своим воем поэта так,будто это душа его самого.

*Где-то воеет собака,голодная, что ли?
Иль обидели, как меня?
Я ведь тоже страдаю порою от боли...
Мы с тобою, собака, родня!
Я тебя понимаю,душе одинокой
Очень трудно в ненастную ночь.
Ты, наверно, сейчас под забором промокла,
Но никто не желает помочь.*

Вроде бы явно есенинский мотив. Но как все это выражено!Чисто по-своему, по-тисленковски, совершенно иные интонации-трепетно-дрожащие,словно бы на волоске от гибели. Есенинские интонации еще не раз будут вкрадываться в текст стихотворений Тисленкова,но они не будут подражательными,схожими с теми, как самовыражался Есенин. Каждый раз это убедительно свое собственное понимание жизни, всего происходящего в сегодняшнем мире. Может быть,и судьбы их в чем-то похожие, но и такие различные: Есенин был высоко признан при жизни, выпустил множество поэтических сборников, а Геннадия Тисленкова мало кто знал при жизни в литературном мире,разве только красноярские

литераторы,изредка встречавшие его стихи в газетах. И сколько раз он, как и Есенин, возвращался после бродяжьих блужданий по стране домой- в отчий дом, где ему всегда живется, как в раю. Здесь те же ощущения,как и у Есенина,что здесь, дома, он нужен любой: хоть нищий, хоть калека, ведь только здесь спасут его от катаклизмов века, но все это сказано на свой лад, и мне думается- мягче, ласковее, нежнее, душевнее.

В спальне сумрак таинственно-синий...

Я,как в детстве ,лежу чуть дыша:

То ль искрится за окнами иней,

То ли светится тайно душа?

Есенин же о подобных своих чувствах говорил гораздо строже,жестче,злее.

С постоянным риском и душевным напряжением жил поэт Геннадий Тисленков. Ему есть дело до всего бедствующего,терпящего в жизни крушение,каждому он готов помочь,отдать свою последнюю рубашку,несмотря на не раз случавшиеся по отношению к нему измены и несправедливости,- в этом его жизнь ничему не научила и уже никогда не научит, как мы теперь знаем.

Неудача больней,чем ожог.

От нее не уйти,не отречься...

Береженого Бог бережет,

Ну, а я-не сумел уберечься.

Может, к лучшему,что не сумел.

От ошибок душа не грешнее.

Жить , рискуя-не сладкий удел.

Жить,считая-гораздо страшнее.

Это почти по-есенински емко,афористично и поэтично,по- философски мудро и точно, но все,конечно, по- своему,на современный лад, это отражение собственного понимания нынешней новой действительности.

Его не оставляли гнетущие раздумья над сегодняшней жизнью:

Осмыслить сразу не легко:

А вдруг вся жизнь пустяк всего?

Наверно,очень-очень страшно

Покинуть этот мир однажды,

Не сделав в общем ничего...

Признание безусловно горькое,неутешное,но не такое уж и гнетущее,не подавляющее полностью поэта, а дающее ему какую-то подспудную уверенность,что, если потребуется,он поступит точно так

же, как и поступал всегда, и единственное поглощающее его всего желание-успеть выплеснуть из себя все главное и важное, что одолевало поэта.

*Вот и осень. Боже мой!
С каждым годом жизнь короче.
Видно, не сулит отсрочки
Горький плач над головой...*

Ощущал ли поэт приближение своей гибели? И да и нет! Конечно, как мы убеждаемся, читая его стихи, ему что-то передавалось незримо-нечто смертельное, исподволь зрело в нем предчувствие недоброго конца, он ощущал дыхание этого даже в добрых радужно-ободряющих словах гадалок, но старался отмахнуться от всего плохого, черно-каркающего, старался не верить этому, но чутье поэта не обманывало его, не подводило. Он замечал то, чего обыкновенные люди никогда бы не заметили. Это как раз хорошо чувствуется в его стихотворении «Гадай, цыганка.»

*Ты строго-строго не гляди,
Будь милосердней, ради Бога.
Возьми за руку, проводи
Меня до отчего порога.
Там есть в заборе тайный лаз,
Забить который не успели.
Меня там мама заждалась,
Сестренка плачет в колыбели.
Там я к себе опять вернусь.
Все станет светлым, как в начале.
В колени мамыны уткнусь,
Забыв все беды и печали...
Молчит цыганка, у седой-
Глаза задумчивей и строже,
И, с сердцем человеческим схожа,
Дрожит растерянно ладонь.*

Какое пронзительное, волнующее, многоплановое и многозначительное стихотворение! И таких стихов у Тисленкова немало. Что ни стихотворение-то почти шедевр, точное, поэтичное, берущее за душу, вызывающее желание читать этот стих вслух, вслушиваться в него, улавливая всю прелесть и возвышенность сказанного, вдумываясь в заложенный подспудно тайный смысл, всегда глубокий, не поверхностный.

И вот оно, это стихотворение-торжествующий Гимн жизни, которое принимаю всем сердцем, готовый повторять вслед за поэтом:

Отсыревшие дни все короче.
Отшумел, отсверкал листопад.
И в, казалось бы, вымерших рощах
Все таинственней, жарче и громче
Сохатиные трубы звучат
На кровавых любовных турнирах...
Как ни сетуй на рок,
Ни тужи, а в просторах осеннего мира
Все равно продолжается жизнь.
Пусть уйдем мы...
Но все повториться.
И с горячей отвагой в крови.
Будут так же сохатые биться
На извечных турнирах любви.

А сколько проникновенных, волнующих, нежных и светлых слов
сказано им о любви. Как поэтично, образно, незабываемо звучит это в
стихотворении «Сентябрьский сад»:

На сердце тают боль и холод.
Ни сожалений, ни тоски,
И вдруг послышится твой голос,
Почудятся твои шаги...
Я брошусь в сад и на коленях
Тебя с мольбою буду звать,
Нет никого. Пусты аллеи.
В почтовом ящике листва...

К чему ни прикоснется перо поэта, на что он ни кинет свой
колдовской взгляд-и все сразу оживает, преображается, все волнует: и
рыбалка, и синичка за окошком, и осенний лес, и давно брошенная
деревня из далекого детства, отчего так щемит душа или, наоборот, так
и ликует, радуется. Возвращение, в какой раз, как и у Есенина, к
родному отчему порогу, всякий раз трактуется по-новому, с новыми
подробностями, иными напевами-настроениями:

...Стою на улице бывшей,
Где бегал когда-то босой...
И всюду такое затишье,
Такой одичавший покой,
Как будто явился гостем
В забытые Богом года,
Как будто стою на погосте,
Где плачет людская беда.

А сколько тяжелых раздумий по поводу новой, вдруг враз надломившейся в России действительности, над судьбами русского народа, Руси, но всегда, даже при самом мрачном и удручающем видении поэта не покидает, пусть и придавленная, надежда на лучшую долю для народа и для страны:

*Все равно наступит утро,
Сгинет ночи мрак пустой!
Хоть и сердце почему-то
Уж не верит ни во что...*

Нет, он и не думал так рано умирать, хотя и ощущал уже дыхание подступающей осени, он все-таки надеялся на долгую плодотворную творческую работу:

*Осень, осень, вот ты и пришла,
Золотая, мудрая колдунья!
И во мне вселенную зажгла,
Где иные чувства и раздумья,
Где душа подобно журавлю
Уж живет прощальною тревогой,
Где еще сильнее я люблю
Эту жизнь, дарованную Богом.*

Поэзия Геннадия Тисленкова как-то легко и непринужденно, совсем по-пушкински вступает с нами в доверительную связь, вызывает сочувствие, тот или иной душевный отклик, не оставляет нас равнодушными, - это свойственно только большим поэтам. У Геннадия всегда светлые по-небесному стихи. Даже во всем тяжелом, мрачном, ненастном-в стране и вокруг-находит поэт светлое, призывно зовущее, обнадеживающее:

*...Кругом нужда, и все-таки,
Отбросив все амбиции,
Житейскими заботами
Живет моя провинция.
Все та же тем не менее
И в горести, и в радости,
Ах, сколько в ней терпения,
И мудрости, и святости
Во все века не праздная,
Душой и сердцем чистая...
Пока живет, крестьянствуя,
Жива земля российская.*

Вот так. И с этим нельзя не согласиться. Поэт, почти как пророк,

проникает в суть и в глубь происходящих явлений и именно с этих позиций стремится освободиться от общей слабости, свойственной некоторым из нас, которая во многом мешает сейчас укреплению мощи страны.

*Душа чернеет от тоски за прошлые святыни.
А может, хватит, мужики, нам пропивать Россию?
Нам нынче надо не дуреть о русской хмели слезной
И наконец-то отрезветь, иначе будет поздно...*

Надо сказать, провозгласить гораздо легче, чем это осуществить на деле. И все-таки, борясь с самим собой, наступая на горло собственной песне, он стремится к этому.

*Пусть кто-то к новой власти рвется,
И перекрашен в цвет иной,
Ну, а поэт он остается до смерти
Лишь самим собой.*

Несомненно, Г. Тисленков достойно продолжает пушкинские традиции, потому так благостно, до умиления и до слез даже, каждое его стихотворение затрагивает душу, заставляет дорожить всем, что окружает нас, красотами возрождающейся ежегодно по весне природы, ценить до боли сердечной дни и минуты дарованной нам свыше жизни.

*Пока живу на белом свете,
Ловлю, как счастье, каждый миг,
И горько мне, что после смерти
Все это будет для других.*

Это хорошая добрая зависть, сближающая всех нас, живущих на белом свете. Поэт протестует душой против всего плохого и чуждого нам, того что творится сейчас не по нашей воле в стране, потому так часто, из стиха в стих, он обращается к самому дорогому для себя- к волнующему образу Родины, России:

*Душа народа не подвластна Бериям,
Не по зубам тирану и врагу...
Как в Бога, я в мою Россию верую
И жить без этой веры не могу!*

Он принимает мир во всем его многообразии: и такой, и сякой, но выбирает для себя не тот путь, что протоптанней и легче, а тот, который осиянен Всевышним-трудный, с тяжким крестом, но и счастливый удел свободного духа поэта:

Если б я не скитался по свету,

*За собою мосты не сжигал,
Если б так не любил, не страдал,
То, наверно, не стал бы поэтом,
Человеком вовеки не стал.*

И сам себе устанавливает в поэзии самую высокую планку, достичь которой не всякому поэту по плечу:

*Мне не нужно ни денег, ни славы.
Это все для меня-суета.
Счастлив тем, что родился не слабым,
И душа перед Богом чиста.
Ну, а если в делах я поспешен
И хоть в малом лукавят стихи,
Если в чем-то пред совестью грешен,
Вы простите меня, земляки!*

А в «Откровении» признается, и кается, и верит :

*Наступит день, когда пред Богом
Придется мне держать ответ,
И на суду всевышнем строго
Он спросит: грешник я или нет?
Я почему-то верю в это,
Что, несмотря на все грехи,
Достойным прозвучат ответом мои стихи.*

И в этом, считаю, он не ошибся. Пройдет еще время, и даже те, кто не верит сегодня в его светлый необыкновенный талант, поймут со временем, убедятся в его величии.

Но вся его собственная жизнь была напрочь кровно связана со своей эпохой, со своим народом, который теперь начинает массово вымирать, и чего он не мог не отобразить в своем творчестве. Вот что он пишет о стариках неперспективной, медленно погибающей деревни:

*Под общий горький вздох протяжный
(Слова и вправду ни к чему!)
Все снимут шапки перед пашней,
Теперь ненужной никому.
Потом с больным потухшим взором,
На склон взбираясь тяжело,
Без суеты и разговоров они потянутся в село.
Над головой их вьется чибис
И, кажется, почти с мольбой он вопрошает:
«Чьи вы? Чьи вы?» и не поймет беды людской.
Ему не видно в небосводе, что это от родной земли*

*Русь деревенская уходит,
Чтоб навсегда пропасть вдали...*

Вот так происходит в вековом масштабе страны: при Сергее Есенине Русь деревенская начинает тяжело заболеть, хиреть, а при Геннадии Тисленкове-уже почти прекращает свое существование, обрастая могильными буграми с крапивой и бурьяном вокруг остатков беленых русских печей.

Только соприкасаясь с жизнью во всех ее извивах и вывертах, можно прочувствовать и выплеснуть то, что выливалось у Геннадия Тисленкова в незабываемые поэтические строки, так резко трогающие, задевающие душу читателей, так или иначе сопереживающих вместе с поэтом все катаклизмы нашего века, все то, что он выразил через себя в своих стихах.

Я потому так много цитирую стихов поэта, потому что книга его вышла всего тиражом в 300 экземпляров, и мало кто из истинных любителей поэзии имеет возможность познакомиться с его творчеством более близко и самостоятельно. А поэт он действительно от Бога, с Божьей искрой в душе, и так жаль, так больно и горько, что мы потеряли его так рано, не уберегли от пагубных изнанок жизни, не смогли продлить ему творческую жизнь. Но, возможно, это удел всех великих поэтов на Руси, начиная с Пушкина и Лермонтова, а уже позднее, в нашем веке, включая в этот святой бессмертный список и Сергея Есенина, и Николая Гумилева, Александра Блока, Павла Васильева, Николая Рубцова. Наш земляк поэт Геннадий Тисленков, еще раз обращаю внимание, близок к ним, сродни им-с той же пылкой поэтической страстью, всемерным сопереживанием всему человечеству в целом и каждому человеку в отдельности с непреодолимой любовью к родине и отчему порогу, к природе: полям, лесам, рекам, родникам, земной шире и необъятному великому поднебесью. Стоит только вспомнить его светлую «Синичку», в котором поэт вдруг защелкал, затенькал по-синичьи, так это получилось неожиданно, сказочно.

*Знаю я язык синичий,
И в сверкающую синь
Я вослед свищу по-птичьи:
-До свиданья! Цвинь-цвинь-цвинь!*

А «Первый снег в Боготоле», так волшебным образом преобразивший все вокруг:

*Святые помыслы и чувства
Витают в светлой вышине.
И отчего-то грустно-грустно,
Хотя и радостно вдвойне.*

А вот каким чудным жизнерадостным светом пронизано его стихотворение:

*Как от выпитой чарки
Внешних чувств не таю.
Улетают печали,
Словно птицы на юг.
Он бывает не часто,
Светлый праздник души.
Все понятно и ясно,
И так хочется жить!*

А вот уже то его стихотворение, где он пророчески заглядывает в свое будущее:

*Я верю , муза,ты воскреснешь
Для добрых и хороших дел.
Уж коль в душе такие песни,
Которые никто не пел.
Уж коль заветная на небе
Еще чуть светится звезда...
И пусть я вынул горький жребий,
Пусть неудачник, не беда!
Я знаю: сердце не обманет,
Душа меня не подведет,
Пресветлый час судьбы настанет
И новый смысл обретет.
Я стану вновь самим собою
Уже не в грезах-наяву.
Я не привык сдавать без боя надежд,
Которыми живу.*

О смерти Геннадия я узнал лишь через полгода, когда вернулся из города в чулымский поселок, где живу летом, узнал, перелистывая страницы местной газеты, скопившиеся в мое отсутствие. И вдруг- посмертная статья о поэте! Это известие надолго вышибло меня из рабочей колеи, в ту весну я ничего не мог писать. Да и сейчас еще эта боль потери живо ощущается- незаживающая боль в моей душе-оттого, что ничем не сумел помочь ему при жизни , правда,он ни разу и не обращался ко мне с какой-либо просьбой. В последний год его жизни я несколько раз писал ему, приглашал к себе по ягоды и по грибы, советовал подумать о будущем,исподволь готовить свою поэтическую книжку,несмотря ни на что-на все трудности при издании книг в наступившие смутные дикие времена. Но он тогда , так и не приехал осенью, в год своей смерти. И так потерянно я чувствую себя до сих пор от этой его безвременной ранней смерти, ничем неоправданной, такой

нелепой и страшной. Неужели эта судьба ,закономерность, какая-то для всех великих поэтов на Руси? Убитых так или иначе тем или иным способом-растрелянных, зарезанных, задавленных насильственно,сгинувших навечно в лагерях и тюрьмах, убиенных по злему,заранее обдуманному умыслу или вот просто так -из-за невосприятия той светлости, которую излучает человек, из-за дремучего невежества, непонимания того, что несет миру истинная великорусская поэзия.

И горько мне теперь , что не сумел я в свое время поддержать Геннадия,насколько это было тогда в моих силах и возможностях. Он только однажды приезжал ко мне на денек с ночевкой в поселок на Чулым- со своими дневниками о таежных экспедициях,щедро дарил из них все, что нужно, что могло мне пригодиться. Но я прочел и сказал ему: « Не могу такое взять себе, мне и своего на сто лет с избытком хватит, а тут у тебя почти готовая повесть, надо только кое-что опустить , а кое-где и сгустить, усилить события и переживания героев.». Предложил ему немедля садиться за работу над таежной повестью. Но он отмахнулся, заявив, что ему недосуг сейчас этим заниматься. В своих же дневниках он почему-то сомневался в величии своей поэзии, считал, что будущее его как литератора- это проза, потому и спешил в молодости набраться побольше жизненных впечатлений, запастись ценным материалом на всю дальнейшую писательскую жизнь-смело шел в таежные экспедиции и на север края-тянуть нитку нефтегазопровода, по наивности самолично явился в лечебно-трудовой профилакторий, о чем впоследствии, возможно, и пожалел: не тот там оказался материал, который так уж необходим писателю. Хотя, хотя...Он хотел познать все лично в жизни, испытать все ее трудности на собственной шкуре, только тогда, считал он , и правильно считал, можно написать настоящую, правдивую, нужную людям книгу, о которой так мечталось.

Сейчас сестра погибшего поэта подготовила рукописи стихов для издания второго и третьего сборников брата-на те деньги, что назанимала у своих добрых знакомых. А надо бы нам всем миром организованно помочь ей в выпуске этих таких нужных и ценных книг, а потом, возможно, и прозаических, потому что его дневники заслуживают того, чтобы с ними познакомились, в первую очередь земляки,а также и общественность, кому не безразлична русская литература. Он временами подробно аккуратным подчерком вел свои дневники-правдивое свидетельство нашей эпохи, но многие и не знали, даже не подозревали о том- это был его внутренний мир,богатый, содержательный, возвышенный-я верю в тех будущих писателей, которые с юности ведут дневники, тем самым все время беспокоя себя, обогащая себя духовно, набивая юную писательскую руку, надеясь тайно, что когда-нибудь все это будет востребовано людьми, читателями. И я верю, что с творчеством нашего земляка Геннадия

Тисленкова мы продолжим еще не раз приятное полезное знакомство, благотворное, так необходимое каждому культурному человеку и особенно нам, его землякам. Как горько, что жизнь его оборвалась так рано, в самом расцвете творческих сил, безвременно, нелепо, он так и не успел поведать всего, что скопилось в его божьей душе, не успел дать миру того, что мог бы еще дать — нужного, важного, поэтичного, духовно-светлого.

Геннадий Тисленков был неправомерно чересчур скромн, во всяком случае в стихах он называл себя поэтом районного масштаба. Но это далеко не так. Я считаю, что он гораздо более высокого масштаба-он поэт воистину российского звучания. И мы, его земляки, должны гордиться, что он родился и жил на нашей боготольской земле, что он наш земляк с таким редкостным талантищем, каким мало кто обладает из ныне живущих поэтов. Пожалуй, его смерть для нас-самая большая и тяжелая утрата-потеря, которую понесли мы, боготольцы, после такой ранней и неожиданной смерти нашего знаменитого земляка, известного кинорежиссера Виктора Трегубовича.

В одном из своих стихотворений поэт Тисленков попросил:

*Пусть будет все по-человечьи:
Оградка, холмик золотой
И над обителью простой
Жарки, горящие, как свечи.
Нет ничего желанней мне,
Чем сей приют в земле родимой,
Еще хочу, чтоб по весне
Сюда поэты приходили.
Быть может, и...*

Он мечтал о таком вот апрельско-майском вечере у своей могилы. Наверное, такое и сбудется скоро, хочется верить в это.

Но, думается, уже и сейчас осенью, в день его трагической гибели, 21 октября, все мы, почитатели тисленковской поэзии, все, кто в силах и в состоянии, у кого есть возможность, должны в этот день прийти к нему и сказать добрые слова благодарности, прочесть и свои стихи, которые, я уверен, у многих боготольцев пробуждаются и пробиваются на свет божий из души.

ДУШИ СВЯТЫНЯ

Мой отчий край,
Души святыня,
Не надо мне
Судьбы иной!
Здесь мать моя
И мать Россия
Мне были
Матерью одной.
Здесь я любил
И ненавидел,
Страдал и мучился
До слез.
Помилуй Бог!
Я не в обиде
За то, что
Столько не сбылось...
Горжусь своим
Нелегким веком
И счастлив
В жизни тем уже,
Что был я
Русским человеком
Не по рождению-
По душе.
Что не искал
Себе покоя
Среди бушующих
Страстей.
Что был и в радости,
И в горе
С народом,
С Родиной моей.

Под журавлиной чередой
Кусты осенние в огне...
Когда подавлен друг бедою,
Как поступить, кто скажет мне?
Идет, молчит... Лишь листьев шорох...
И я как будто бы в долгу.
Но не мастак я в уговорах,
Ничем утешить не могу.
О, грусть желтеющего луга!...
О, журавлиная тоска!...
Как облегчить мне чашу друга,
Хоть на глоток? На полглотка?!
Безмолвны вспышки ягод волчьих,
И птицы в облачном снегу...
Пойду я рядом тихо, молча,
И этим другу помогу.

В РАЗЛУКЕ

Здесь бегал сын...
Теперь пуста аллея,
Где сохранились милые следы.
И я ее никак не одолею,
Как эти двести метров не просты!
Здесь бегал сын...
Особое значение
Приобрели деревья и скамьи,
Аттракцион для детских развлечений,
Где он оставил радости свои.
Здесь бегал сын...
Цветами любовался.
И я уверен, в венчике любом
Блеск синих глаз его еще остался,
Вот в этом! В этом! И, конечно, в том!
Здесь бегал сын...
Сегодня мы в разлуке.
Аллея бесконечна и пуста...
Я так давно не брал его на руки,
Хоть прихожу по-прежнему сюда!

Вдали, проклиная разлуку
И горькое наше житье,
Ношу, как великую муку,
Влюбленное сердце свое.
Оно не дает мне покоя.
Его не обманешь в пути,
И сам не пойму, как такое,
Сумело вместиться в груди?
И все ж я ему благодарен
За то, что к тебе возвращусь.
За то, что все лучше с годами
Я быть человеком учусь.
Так бейся от счастья и боли,
Чтоб весны шумели в крови,
Хотя нелегко мне с тобою,
Горячий комочек любви!

13.02.1984 г.

* * *

В сугробы улеглись метели.
Все, как впервые, для меня:
И тонкий голосок капли,
И воробьиная возня.
Март начинается вот с этих
Всех нас волнующих примет:
Какое счастье-жить на свете,
Особенно, коль ты поэт.

* * *

Чуть свет по санному проселку
Уйду в чертоги декабря,
Где раздумываясь спросонок
Маячит в сумерках заря,
Где мир лесной под Божьим храмом
Седых от инея небес
В тревожном ожиданье замер
Рассветных сказок и чудес.

* * *

Уходит старый добрый год...
Душе и радостно, и грустно.
Ведь не вернуть былых забот,
Не возродить былые чувства,
Не пережить хороших дней,
Которых было очень много...
Мы стали лучше и мудрей
У новогоднего порога.
Не надо брать, друзья, с собой
Зло, неудачи и обиды.
Пусть они, как сон дурной,
Сегодня будут позабыты.
... Да будет этот новый год
Не слишком на пути гористым.
Пусть много счастья принесет.
И для районных журналистов!

* * *

1.

Причулымье.
Деревня над речкой.
Вьется дым,
Словно нимбы-колечки.
Ал-закат
Распластался в полнеба.
Пахнет сельскими щами

И хлебом.
Утомилось житейское лихо.
На единственной улице тихо.
Средь густеющих сумерек сизых
Золотятся окошками избы.
И от этого доброго света
Мое сердце как будто согрето.
После долгой и длинной
Дороги
Я в раздумье стою , одинокий.
Пусть не тать полунощный,
Однако,
Здесь я все же чужак и бродяга.
Да и времечко нынче лихое-
Не для всяких
Случайных постоев.
Может, в крайнюю мне
Постучаться:
Вдруг да пустят с ночевкой
На счастье?
Оказались напрасными страхи.
Вышел дед
В домотканой рубахе,
Распахнул дверь
Без лишних распросов:
-Гостем будете .Милости просим!
Вот... с Меланьей
Как раз вечеряли
Да Степана... сынка поминали.
Он афганец.
Погиб наш сердешный,
Хоть пред господом
Вроде не грешный...
Не успел я
Представиться даже,
Как за стол был
С почетом посажен.
И за первым стаканом
Вдогонку
Пью «штрафную»...
Огонь- самогонка
Разливается благостью в теле...
А потом, оказавшись в постели,
Захмелевший с устатка
И сытый,

Я заснул в тот же миг,
Как убитый,
Без душевных обид и сомнений,
И, конечно же,
Без сновидений.

2.

За окном деревенское утро.
Снова в сердце
Тревожно и смутно.
Я ведь здесь
Только гость-постоялец...
Со стены смотрит
Бравый афганец.
Парень рослый и видный,
Что надо,
На груди боевая награда,
А в глазах пляшут
Искры-бесята.
Сразу видно, что он из десанта.
На меня не в обиде, пожалуй:
Дескать, ладно, гости,
Мне не жалко!
До чего же похож он на деда,
Просто вылитый
В юности «предок»...
Чу, шаги!
Я боюсь шелохнуться,
Хоть и знаю,
Пора бы проснуться»...
Это в горницу
Входит старушка,
Подает мне
Огромную кружку
Не какого-нибудь, а парного
-Выпей, милый, а после такого,
Как у деда, проклятого зелья
Молочко в самый раз
На похмелье.
Ну, а дед тут как тут
Из прихожей:
-Э, старуха !
Так, право, не гоже.

Он мужик,
А не баба,однако
Что? Болит голова , бедолага?
Ничего! Эту хворь
Мы излечим
По российским рецептам
Извечным.
Будь мне нынче
За место Степана.
Эй, Меланья,
Живее стаканы!

* * *

(Отрывок из поэмы « Моя бригада»)

МОЯ, БРИГАДА

Поэма

Глава первая

Город мой!
Ты, как я из рабочих,
И на жестких ладонях твоих
Был я вынянчен,
Между прочим,
Среди многих и многих других.
Под твоим круглосуточным бденьем,
Когда это почувствовал сам,
Наступило второе рождение-
Приобщенье к труду и стихам.
Было трудно, в строительном звоне
Свое место найти. Помогли...
И в тяжелых горящих ладонях
Гордо нес я домой мозоли.
А потом по ночам над тетрадью
Я склонялся и «рылся» в словах,

И не ведали в нашей бригаде
О моих стихотворных делах.
Эта тяга к перу и бумаге,
Видно, крепкая очень была.
Я пришпорил судьбу, и с размаха
Закусила она удила.
Уводили пути-перекрестки
За далекую синюю даль.
Но за честь быть твоим, боготольским,
Город мой, я считал, как всегда.
Не растратив закваски рабочей,
Я вернулся- иначе нельзя.
Почему же ты так озабочен
И так пристально смотришь в глаза?
Может, что-то и вышло нескладно.
Может, где-то попал я в просак.
Напорхавшись в своих небесах,
Опустился на землю- и ладно.
Что ж молчишь ты, насупившись строго?
Ну, скажи мне хотя бы словцо!
И спокойно, помедлив немного,
Город бросил мне правду в лицо:
«Ты сегодня вернулся из странствий,
И вернулся, конечно, другой,
Не в экстазе удач и не в трансе,
Возмечтав обрести здесь покой.
Нет, покой здесь не сыщешь в помине.
Видишь, сколько задумано дел!
Вон завод новый трубы воздел.
Мы его скоро полностью «двинем»,
Чтоб бурлил, клокотал и кипел
Цеховою героикой буден.
Ты по улицам нашим пройдишь.
У меня нынче новая жизнь!
А какой она будет в грядущем?!
Я сейчас весь в строительных кранах.
И расту не по дням, по часам.
Я в мечтах рукотворных и планах.
Мое будущее- ты сам.
Вот совет, не ищи-ка, что легче,
А засучивай рукава.
И вноси стихотворную лепту,
Если есть на плечах голова»

Я стоял на знакомом перроне
На исходе январского дня,
Ощущая тревожно в ладонях
Прежний зуд трудового огня.
Падал снег удивительно тихо
В лунном свете ночных фонарей.
И подумалось вдруг: «Не пойти ли
Мне на стройку бригады моей?...»

* * *

Вот она, моя первая стройка!
К ней пришел я сегодня, как гость.
Сколько горестей, радостей сколько
Пережить здесь когда-то пришлось.
Впрочем, где же она? Наваждение!
Я пред новеньким зданьем стою.
С горькой завистью, с изумленьем
Свой объект кое-как узнаю.
Здесь вот кладка Егорова Славы.
Здесь Вадима Ершова. А тут
По кирпичику строил я главы
Книги жизненной, названной «Труд»
А вон там отрешенно и немо,
Словно сказочный великан,
Упирался в высокое небо
Бесшабашный строительный кран.
Где же ты, ясноглазая Зойка,
Символ строгости и доброты?
Ты всегда возвышалась над стройкой
Королевою высоты.
Кран, послушный тебе, как ребенок,
Был в работе своей виртуоз.
А еще говорят, у девчонок
До подобного нос не дорос.
Где же вы, бригадир дядя Яша,
Наш Макаренко, наш «бугор»?
Мне рабочая выручка ваша
Помогает во всем до сих пор.
Вы порой не скупилась на маты,
Распекая начальство и нас.
Но и дело вы знали, как мастер,
Убеждались мы в этом не раз.

Ну, а вы, Феоктистов, Егоров,
Кузнецов, Валерьянов, Ершов?...
Помню, вы говорили мне гордо,
Что постройте Солнечный город,
Очень юный и очень большой.
На каком вы сегодня объекте
Свой квартальный штурмуете план?
Как ваш город? Все так же в проекте?
Или есть поважнее дела?
В новом здании просторно-высоком,
Потеснившем глухие дворы,
Загорались приветливо окна,
Словно добрые чьи-то миры.
Я стоял, освещенный их светом,
Будто теплою лаской согрет.
Милый! Я пришел за советом,
И ты дал мне достойный ответ!
В спальне сумрак таинственно-синий.
Я, как в детстве, лежу чуть дыша :
То ль искрится за окнами иней,
То ли светится тайно душа.
Весь окутан овчинною дремой,
Я лежал бы вот так целый век.
Под защитой родимого дома
От всего, чем скорбит человек.
И невольно встают пред глазами
Те края, где успел побывать.
Вот идем мы в тайге с рюкзаками,
Проклиная ее в бога-мать.
Бородатое смелое племя
Загорелых веселых ребят!
Сколько песен звучало в то время!
Чтоб не ныть, пели мы все подряд.
Перевалы, долины, каньоны.
Отблеск золота в наших глазах...
Опаляли нас знойные склоны,
Малярия душила в лесах.
На гольцы лезли с риском для жизни,
А потом у вечерних костров
О любви говорили к Отчизне
И добрили от нежных слов.
И тогда я считал не случайно,
Что нашел свой житейский удел.
Почему же сейчас так печально
Я остался почти не у дел?

Я удрал из родимого места,
Чтоб найти самого себя.
Чем же ты обернулось мне, бегство,
Обещаньем удач ослепя?
В моих мыслях, делах только поза
Да романтики синий туман.
А какая от этого польза?
Уж не лучше ли строить дома
Вместе с Зойкой и дядею Яшей,
И с ребятами наравне,
Чтобы с каждой стройкою нашей
Краше жизнь становилась в стране.
Это здорово, если ты молод,
Если с настежь раскрытой душой
Ты построишь свой Солнечный город,
Очень юный и очень большой!

* * *

После долгих мытарств отдыхаю,
Хоть и в памяти все горячо.
Возвращаясь к себе, привыкаю
Вновь к сибирскому звонкому «чо».
Помаленьку вникаю в заботы,
У которых крестьянский уклад.
А когда наступает суббота
Парюсь в баньке, как ад.
Вновь наполнен я нежным и милым-
Что еще мне желать от судьбы?!-
Никогда не тоскующим миром
Нашей старенькой светлой избы.
И уже я не гость, не случайный,
Что на время сюда завернул,
А потом, оглянувшись прощально,
Вновь ушел. Новый ветер подул
В моей жизни и сразу развеял
Перед будущим страхи, как пыль,
Зерна добрые в сердце посеял,
Чтобы я их растил и лелеял,
Не утратив свой жизненный пыл.
Я уже не терзался в сомненьях.
Перестал уповать и грустить.

* * *

Хлебосолье родимого дома!
Он распахнут для нас , сыновей.
Все здесь дорого мне и знакомо
До мельчайших его мелочей:
Самовар толстощекий и гладкий,
Что пытит без конца;
И выдавшая виды трехрядка,
Фронтальная подруга отца;
На окошках в горшках хризантемы;
За диваном тряпичный «бедлам»;
Голубые беленые стены
С паутинками по углам;
Наша русская печь, сказка детства,
Что, всегда подбоченясь , стоит...
Отчий дом! Ты целебное средство
От сомнений моих и обид.
Здесь я нужен, любим, уважаем,
Здесь меня в самом сложном поймут
За душевной беседой , за чаем.
И моих объяснений не ждут.
Мать на кухню уйдет, чтоб украдкой
Сделать крест на иконный лик.
А отец, захмелев в этот миг,
Каламбуря, достанет трехрядку,
И польются сибирские песни.
И польются светло, широко.
Им бы волю сейчас , поднебесье,
Чтоб лететь далеко-далеко...
Ну, а я? Я сижу и немею
От избытка затронутых чувств
И ругаю себя. И жалею.
И домашним уютом лечусь
От лихих и недужных вопросов,
От неверия в силы свои.
Как легко мне сейчас и как просто
В задушевном единстве семьи!
Я опять для себя открываю
Много милых забытых примет.
Снова «батей» отца называю.
Если надо, как все подпеваю,
Хоть особых способностей нет.
Наконец, утомившись порядком,
Подкрутив по привычке усы,

Мой отец сдвинул мех у трехрядки:
-А скажи-ка мне искренне , сын,
Как ты думаешь жить? Где работать?
Ведь наездился вволю , поди?
До чего же тревожно и больно
Что-то сразу заныло в груди.
Без излишней словесной бравады
Я ответил, что думал давно:
-Я вернусь к дяде Яше в бригаду...
Это, батя, уже решено!

* * *

Утро. Словно в далекие годы,
Когда был я еще пацаном,
Завывает-свистит непогода
За морозным узорным окном.
Мать на кухне. Тревожно и глухо
Печь гудит, разгораясь сильнее.
Дом наполнен ликующим духом
По-сибирски наваристых щей.

.....

* * *

Брожу по городу и звезды
Пытаюсь в небе сосчитать.
Витает в воздухе морозном
Предпраздничная благодать.
Мне ничего сейчас не надо.
Звучал бы голос тишины.
Да эта лунная соната,
Что льется с млечной вышины.
Сияют окна позолотой.
Их теплый свет к себе зовет.
И в каждом елка, в каждом кто-то
Ждет с нетерпением Новый год.
А я иду под звездным блеском
Давным-давно
Минувших дней.

Как жаль, что поделиться не с кем
Воспоминанием о ней.
Как жаль, что мы опять не вместе.
Кто виноват-рассудит Бог...
Ни зла, ни грусти, ни тревог.
Мне ничего сейчас не надо.
Звучал бы голос тишины
Да эта лунная соната
Предновогодней вышины.

ИДУ НЕЗНАМОЕ ИСКАТЬ

Среди людей, в лесной глуши
И даже в мире сновидений
Я в закрома своей души
Ссыпаю зерна впечатлений.
К открытиям тянусь опять
Поднявшись с сумеречной зорькой,
Иду незнамое искать,
как уходил когда-то Горький.
Иду в березовую даль,
Где день встает с зарницей алой.
Роман «Как закалялась сталь»
Читаю с жаром на привалах.
Всем сердцем радуюсь тому,
Что стал мой край неузнаваем,
Что я спокойно по нему
Иду, как молодой хозяин.

1965 год

* * *

Как рано вышел я в дорогу,
Как поздно стал я понимать
Твою извечную тревогу,
Моя седеющая мать.

Когда, влекомый вдаль обманом,
Не мог я справиться с бедой,
Была ты верным талисманом
И путеводною звездой.
Прости, что я не верю в Бога.
И все ж меня не раз вдали
Вели надежною дорогой
Молитвы тайные твои.

* * *

Неудержимо и отчаянно
Нас манят дальние края.
А где-то бродит неприкаянно
Судьба твоя, любовь твоя.
В несчастьях мы не суеверные.
Душа слепой быть не должна!
Бросают нас друзья неверные,
Которым в жизни грош-цена.
Нас губят женщины случайные,
Которых мы приводим в дом,
И наши матери печальные
Совсем не виноваты в том...
С годами, битые, усталые,
Вдруг начинаем понимать,
Что мы все те же дети малые,
Пока живет на свете мать...

* * *

Я проснусь, как будто в детстве.
Выйду из избы босой.
Утро хлынет прямо в сердце
Солнцем, ветром, бирюзой.
Посреди двора зажмурюсь
От избытка светлых чувств...
... Вон подсолнух рыжий-рыжий
Смотрит, как над нашей крышей
Голуби взмывают выше
Деревенской каланчи.

ОСЕННЕЕ

Ни тоски, ни птичьего гомона,
Дождик. Погодки-сосенки.
Закружила меня по городу
Золотая поземка осени.
И не надо иной мне участи,
Чем вот эта метель осенняя.
Мне подарят сегодня улицы
Тайну нежных стихов Есенина.
И немного за счастье боязно.
Ярче солнца горят подсолнухи
За оградами и заборами.
Парни валко идут тарзанами.
А девчонки совсем, как золушки.
Я себя открываю заново
В обжигающем сердце золоте.

1966 год

* * *

Розовые щечки, синие глаза.
Приходи скорее в рощу егоза!
Я грущу-страдаю, будто соловей.
Может, ты не знаешь о любви моей?
Без тебя мне в мире очень нелегко.
Ты ведь стала песней сердца моего.
Ночь. Мерцают звезды
В глубине реки.
А я жду упрямо милые шаги.
Роща в лунных бликах.
Грустно. Тишина.
Мне без вас сегодня просто не до сна.
Розовые щечки, синие глаза.
Что ж ты не приходишь?
Где ты, егоза?

1966 год

* * *

По плечу мне любые невзгоды,
Не сломаюсь, хоть в плуг впряги.
А вот-надо же! С каждым годом
Все труднее писать стихи.
И все чаще такие ночи...
Но, увы, не единой строчки,
Не единова слова, увы.
Может, это души усталость...
Ну, а может, подкралась старость
И пора подводить итог?
Нет, не верю, что песня спета!
Еще рано мне на покой.

* * *

Под сиренью стою,
Улыбается небо.
Пчелы сладко гудят
Средь радушных ветвей.
Как светло и легко!
Пахнет медом и хлебом,
Это запах родной
Колыбели моей.

КАК ДАВНО ВСЕ ЭТО БЫЛО

Как давно все это было...
Круглосуточно, без сна
Над озерами трубила
Журавлиная весна.
Помню... чащи краснотала
В петушиных гребнях зорь...

Ты на цыпочки вставала,
Чтоб взглянуть за горизонт.
За березами с испугом
Билась в паводке шуга.
И мучительно друг с другом
Расставались берега.
Вот и мы теперь в разлуке,
Как два берега , стоим.
Все протягиваем руки,
Ждем, когда соединим.

1972 год

СИНЕВА

В горизонт нацелившись упрямо,
Натянута шоссе, как тетива.
И мы летим , восторженные , прямо
Туда, где пузырится синева.
В лицо певуче вешней далью веет.
И семь ветров гудят у нас в крови.
Шофер своей «железки» не жалеет,
Ну, как его шальным не назови!
Мелькают пашни, рощи-перелески,
Деревни-все в строительных лесах.
Как жаль, что невозможно
Край советский объехать
За каких-то полчаса!

1972 год

Л Ю Б К А

У Любки глаза раскосы
И брови вразлет.
У Любки такие косы,
Едва их сама несет.
Идет она вечером тминным
На гульбище у реки.

И пялят глаза умиленно
Подвыпившие мужики.
А бабы , косясь ревниво,
Судачат девчонке вслед:
-Конечно, она красива...
Но вот зачастили гости.
От сватов отбоя нет.
А Любка ревет от злости.
-Мне только семнадцать лет!
Я прямо сказать должна:
Насильно не выйду замуж-
Не царские времена!
...Охрип у гармошки голос,
Откуда пришла беда?
Уехала Любка в город
И, видимо, навсегда.
Теперь у реки пустынно,
Осенний гуляет лист.
Грустит за селом у тына
Молоденький тракторист.
Щекою припав к гармошке,
Упрямо Тимоха ждет,
Что платъице в красный горошек,
Как прежде , вдали мелькнет.
Не хмурься, Тимоха, не сетуй,
А лучше такую сыграй,
Чтоб снова плясал до рассвета
Весь наш Причулымский край.
Я знаю, вернется Любка
Не нынче, так через год,
Раз верит тебе и любит,
Раз письма такие шлет.

1972 год

АФОНЯ И ГАРМОНЬ

Молодец у нас Афоня
Заиграет на гармони-
Девки следом хоть куда...
Пышен чуб его казачий,

А глаза, как пара звезд.
Ко всему тому в придачу
Двухметровый статный рост.
Мужики скирдуют сено.
Бабам дел невпроворот.
А Афоня неизменно
Вновь больничный лист берет.
Все уходят на работу,
У него ж одна забота:
Сядет утром на плетень,
И гармонь поет весь день.
Вот бы нашему Афоне
Так же сельский труд любить,
Как он любит на гармони
По ночам село будить.
Прямо мы сказать должны:
Парню не было б цены!

В ШУШЕНСКОМ

Все те же дали, те же сосняки.
Шалаш в разливе. Озеро Перово.
Но вместо прежней Шуши у реки
Растет богатырем поселок новый,
Он тянет зданья прямо к небесам
И дорастет- простор тому порукой.
И бронзовый Ильич не верит сам,
Что так преображен медвежий угол.
Плывут суда по солнечной реке.
Здесь встанет ГЭС, во всей красе и силе.
И Ленин, сжав фуражку в кулаке,
С улыбкою приветствует Россию.

21.04.1973 года

Т Ю Х Т Е Т

Тюхтет, Тюхтет-районное село!
Меня радушно встретит в это утро,
Сосновый бор, задумчивый и мудрый,
Забравшийся на взгорье тяжело.
Я снова здесь, у памяти в плену
Иду по светлой улице Советской.
В какой бы переулок ни свернул-
Всем переменам радуюсь по-детски,
Иду, глаза таращу на дома.
Когда сумели понастроить столько!
А улица торжественно-пряма,
И кажется проспектом мне бетонка.
Течет зерно потоком в закрома
Испытанной и наивысшей пробы-
Как результат упорного труда
И мастерства тюхтетских хлеборобов.

* * *

В твоих глазах полно апрелей,
Сверкают в них Амура стрелы.
В моих зеленый летний дым,
Где высоки и знойны полдни,
Где с каждым днем сильнее помнят
Сквозные стежки в лунном поле
И детский запах лебеды.
Я взглядом солнечным просвечен.
Я им от всех обид излечен.
Но почему-то каждый вечер
Не в силах отвести уже,
Как две беды и две разлуки,
Твои протянутые руки
К моей березовой душе.

1973 год

* * *

Если ты загрустишь по дому,

По купавам родных полей,
Не гляди за окошко долго,
Утро вечера мудреней.
Завтра вместе мы сходим к зорям,
Не воспетым еще в стихах.
И надышимся всласть озоном
В их березовых теремах.
Погостим у ветров на кругах
Возле самого солнца там,
Если только представится случай,
Погадают ромашки нам.
В черемшанике, где у взгорка
Колобродит болотная падь,
Мы на свадьбе лосиной «Горько»
Будем громче зверей кричать.
И под вешние песни птичьи
По-сибирски щедро, сполна
Зачарует тебя величием
Причулымская сторона.

1973 год

* * *

Мои голубые сны
Бомбардируют жуки,
В полночной сгорая мгле.
И кажется, что во мне
Дыханье ржанных полей
Извечно, как жизнь и смерть.
Я слышу твои шаги и сердца
Тревожный крик
За тридевять лунных лет.
Подушка
Чуть-чуть горчит.
Ворочаясь подо мной,
Ей грезятся миражи.
За окнами плачет дождь,
Один из земных бродяг
Мудрый и добрый,
Он меня позовет к тебе,
И ночь
Превратится в день!

1973 год

Р О Д И Н А

Живу на родине ветров,
И нету родины дороже!
Здесь лучше всяких докторов
Врачует раны подорожник.
Верней любых календарей.
Свой счет годам ведут кукушки.
Залиты зорями опушки
Сквозных березовых морей.
Куда ни глянешь-
Звень и цвень,
Под стать вселенной новостройки.
И кажется, что все дороги
Уходят за земную твердь.
Россия!
Мой огромный дом!
Везде, где синь твоя искрится
Русоволосым гусяром,
Мне век бродить не набродиться.
Не надышаться мне твоей
Озонной чистотой небесной.
Не выплескать из сердца в песнях
Любви и нежности своей.

1974 год

Б Ы Л Ь

Я помню...За городом жили цыгане,
И бегали мы, чтоб тайком посмотреть
Как на лужайке в смешном сарафане
Под балалайку танцует медведь.
Он топал по кругу, большой, неуклюжий,

А в глазках горела такая тоска,
Что взгляд отводили растерянно люди
И щедро рубли шелестели в руках...
Ему мы из дома таскали конфеты,
И нас косолапый считал за друзей.
Он лапу давал в благодарность за это,
И не было зверя на свете добрей.
Мы с ним обращались совсем без опаски.
И меж собой утверждали всерьез,
Что он появился,наверно, из сказки,
Раз машет башкой на подобный вопрос.
Но как-то под вечер он так расплясался,
Что лопнула цепь, разлетясь на куски.
И вдруг ни с того , ни с сего взбунтовался
В нем дух непокорной и вольной тайги.
Хозяин-цыган в кумачовой рубахе,
Впервые опасность осмыслив едва,
Крепясь и бледнея,попятился в страхе
Под крики бегущих из рощи зевак
Однако не тронул его косолапый,
Хотя ненавидел за ругань и кнут.
Увидев, что тот молодушный и слабый,
И отменил справедливый свой суд.
Мы знаем: он в дали лесные подался,
Чтоб вновь одичать и свободу иметь.
Но в памяти сердца таким же остался
Наш добрый,из сказки хорошей медведь.

1974 год

МОЯ РОССИЯ

Под горой вразброс деревня-
Рубленые избы.
Дух ее живой и древний
Ощуцаю исподволь.
К этим избам, к этой сини
Сердце прикипело.
Здесь мой дом, моя Россия,
И любовь, и дело.

* * *

Мы реалисты до мозга костей,
Нам некогда природой любоваться,
...Отвыкли мы,отвыкли мы,
По-детски удивляться.
Все меньше на планете чудаков.
Перевелись их редкостные гены...
...Ущербным будет человеческий гений.
Лишится мир и смысла и красы.
Коль перестанем по-привычке древней
Одушевлять и травы, и деревья.
И видеть солнце в капельке росы.

БАБЬЕ ЛЕТО

Вдруг теплом повеет летним.
Золотые вспыхнут дни.
Праздник,может быть, последний
Дарят женщинам они.
Блещут дали, тонут в шуме
Гомонящих птичьих стай.
До чего отрадно думать,
Что в душе ликует май.
Пусть года пошли на убыль,
Юность стала давним сном,
Но горят, как прежде ,губы
Нецелованным огнем.
Снова волосы духмяно
Пахнут солнцем и травой.
Вновь у наших россиянок
Возраст странно молодой.
Вновь у них,как у девчонок.
Что мечтают о любви
По ночам разгоряченно
Свищут в сердце соловьи.

Что же деется на свете-
Не понять никак мужьям.
И с восторгом смотрят дети
На своих красивых мам,
Платья лучшие надевших,
Хоть не время для утех,
Как -то враз помолодевших,
Вроде тех же и не тех...
Бабье лето!
Уж такая эта дивная пора.
Видно, вправду колдовская,
Коль на радости щедра,
Женщин замужних и вдовых
Краше делает она.
Жаль, что месяцем медовым
Пролетает вмиг она.

1974 год

* * *

Не за деньги на майском перроне,
Для бездомной души, что болит,
Под щемящие всхлипы гармони
Полупьяный поет инвалид.
Что-то горькое , наше, родное
В этой песне как будто кричит...
И недавно шумевший прибоем,
Люд воскресный смущенно молчит.
Вот уж час, как никто не уходит
По своим неотложным делам.
Заурядный бродяга, а вроде
Знаменитость приехала к нам.

* * *

... На розовеющих березах
Галдели галки и скворцы.
Сияли зеленью пригорки,

Искрилась первозданно синь.
Вел гусь, торжественный и гордый,
К воде гогочущих гусынь.
Глядели бабы у колодца,
Как там, на краешке земли,
Вслед за собой весну и солнце
Зовут на север журавли.

* * *

Я развеселый шел с пирушки.
Звенела музыка в груди.
И вдруг убогая старушка,
Как черный призрак на пути.
Старинный плат. Седые пряди.
Рот, перекошенный мольбой :
-Подайте, люди, Христа ради!
Родные! Сжальтесь надо мной!
Голодный блеск в глазах старухи,
Казалось, нестерпимо жег.
Она ко мне тянула руки :
-Я есть хочу!...Подай, сынок!
Еще застольным жарким хмелем
Моя кружилась голова,
Осознавая еле-еле
Вот эти страшные слова.
Еще мне мир казался добрым,
Еще в душе цвели сады...
Но что-то больно сжало горло
От ощущения беды.

* * *

Мчит поезд меня по России
Сквозь красное лето в цвету.
Просторы ее зоревые
Похожи на песнь и мечту.
Пейзажи-холмы и равнины
Да русские наши леса,

Где вечная грусть славянина,
Души его мощь и краса.
Как птица , уносится сердце
Туда, где теряется взор,
Никак не могу наглядеться
На этот былинный простор.
Сосед по купе, молдованин,
Восторженно шепчет в усы:
-Не зря вас зовут... россияне!
Такое...лишь здесь...на Руси!
Потом приглашает за столик
Бутылку распить коньяка,
Признавшись:
-А я ... из застоя!...
И в русском не вижу врага.
И вот под хмельком,
Как два брата,
Душевный ведем разговор
О том, что живем небогато,
Но это еще не позор.
Беда, что мы делим границы,
Людей на чужих и своих,
Но скоро ответят убийцы,
Вершители судеб людских...
Увы, расставание близко.
Сосед мой под Курском сойдет.
Даю ему адрес сибирский,
Он мне кишиневский дает.

* * *

Дорога уходит к солнцу,
Теряясь в небесной сини.
Как древние старцы, сопки
Задумались о России.
Гранитные лбы наморщив,
Взирают на нас сурово...
... Под пристальным этим взглядом
Мы ежимся и молчим.
Плывет с облаками рядом
Зеленый сосновый дым.

**(Таежные края горных хребтов Сихотэ-Алинь востока -
геологам посвящается:)**

* * *

Эта осень навек запомнится,
Словно лучшая песня моя!
А сейчас у меня бессоница,
Будто что-то теряю я.
Нет, я счастлив,
Что встретил девчонку,
Не похожую на других.
Потому мое сердце звонко
Бьется в чувствах и мыслях моих.
Дорогая моя, любимая!
Прехорошая ты моя!
Ты ни с кем для меня несравнимая,
Как таежные эти края.

Сентябрь 1975 года

* * *

Валентине Дикун

Маршруты, маршруты, маршруты.
Веселая дымка дорог.
Порой приходилось круто
Средь таежных трудов и тревог.
Я не помню, когда заметил
Блеск твоих удивленных глаз.
Может быть, подсказал мне ветер,
Что любовь родилась у нас.
Может быть, мне шепнули ели:
-Погляди, как она хороша!
Светом брезжущим еле-еле,
Озарилась моя душа.

1975 год

* * *

Валя, милая! Как-то странно
Нас с тобою судьба свела.
И нежданно и нежданно
В наших душах любовь зажгла.
Было столько у нас сомнений!
Было столько у нас обид!
Не забыть нам с тобой мгновений,
Где от чувств целый мир звенит.
Было больно порой, было грустно.
Было радостно и легко.
И любил я тебя по-русски,
До отчаянья широко.
Ревновал даже к синему ветру.
По-мужски неумело жалел.
А потом по лучу рассвета
Навсегда из тайги улетел.

1975 год

(Виктору Пашину для его подруги Аленки)

* * *

Что-то сердце бьется звонко
И за ветром вдаль летит
Где-то там моя Аленка
В одиночестве грустит.
Я стою на горном склоне,
Опьяненный высотой,
И в лазурном небосклоне
Вижу милый образ твой.
Что-то тихо шепчут ели,
Видно, тоже про любовь.
Я за долгие недели
Сам себя открою вновь.
Понял я цену разлуки,
Да, она страшней, чем смерть.
Эх, раскинуть шире руки,
К солнцу ясному взлететь.
Пролететь все расстоянья
Сквозь дождей седую жуть
Прямо к милой на свиданье,
Что б ее развеять грусть.

1975 год

* * *

Ты сейчас в квартире спишь, Аленка,
Я- в тайге-у жаркого костра.
Как живется , милая девчонка?
Знаю, грусть не лечат доктора.
Долгая и тяжкая разлука
Между нами снова пролегла.
Но, пускай судьба нас развела,
Нам нельзя с тобою друг без друга.
В час, когда не справишься с тоскою
И забудешь что-то невзначай,
На скамье на нашей под луною
Мои письма вновь перечитай.
Ну, а если что-нибудь случится,
Так и знай, любовь моя крепка:
Витька твой немедленно примчится,
Хоть дорога будет нелегка,
Спи счастливо, милая Аленка,
Я же буду долго, до утра,
Сны твои под звездной сенью звонкой
Сторожить у жаркого костра.

1975 год

Х И В А Н Д А

За перевалом перевалы,
И гордо реет высота.
Минуя сумрачные скалы,
Шумит, беснуясь, Хиванда.
Вся в белой пене, вся в буранах,
Она на всю тайгу звенит
И лес, что замер на курумах,
Пред ней с почтением стоит.
Вода прозрачная , как росы,
И холодна, как чей-то взгляд,
И брызги -яростные осы

В лицо серебряно летят.
На берегу стоят палатки.
Раскинул лагерь наш отряд.
Река шумит и без оглядки
Мчит к океану, говорят.
Ах, Хиванда, ты Хиванда,
О чем, студеная, хлопчешь,
Неужто отдохнуть не хочешь,
Вот так торопишься всегда.

1975 год

Х Е Н М Ы Й

Хенмый, Хенмый!
В нерусском слове
Столько дикой красы слилось!
Мне твой шум неумный снова
Слышать в звездной ночи довелось.
Ты не ищешь пути полегче,
Весь в избытке бедовых сил.
Ты в дожди расправляешь плечи
И грохочешь в горах, как тротил.
Далеко-далеко направлен
Твой стремительный пенный бег.
И никем ты еще не прославлен,
Редко ходит сюда человек.
Лишь геологи-работяги
Нарушают таежный покой.
И горят их костры, как стяги,
Над туманной вечерней рекой.

Октябрь 1975 года

Г О Р А Я Й

Стоим с Тиньковым на вершине
И озираем дикий край.

Была ты не такой в долине,
Гора с простым названьем Яй.
А здесь, от высоты хмелея,
У неба на виду стоим.
И в дали синие глядим,
Глаз оторвать от них не смея.
А рядом старый тригопункт
По-скифски строго-молчаливый.
... Как хочешь нас ты понимай,
Гора с простым названьем Яй.
Но ты нам многое открыла,
Наполнив мышцы наши силой.
И мы спускались налегке,
Хоть были камни в рюкзаке.
Благодарю тебя, вершина,
За откровения со мной.
Ты вновь маячишь за спиной.
С осанкой гордой исполина.

1975 год

* * *

Мы устали. Уже пора
Отдохнуть хоть часок у костра.
У студеной и быстрой реки
Молча скинули рюкзаки,
Ты не речка, а просто беда,
Голосистая Хиванда.
Помолчи, я молю, помолчи,
Дай спокойно уснуть в ночи.
Но не слушает на река.
До чего же она звонка.
У костра вчетвером сидим.
К звездам тянется синий дым.
Где-то дятел кричит иль угод.
Их сам леший не разберет...

1975 год

* * *

Уж который день подряд

Идут, идут дожди.
На базу вышел наш отряд,
Чтоб отдых обрести.
Давно не бриты и не мыты,
В худых разбитых сапогах
Мы здесь в тайге видали виды,
Искали золото в горах.
На базе скука и унынье.
Лежишь в палатке и храпишь.
И даже, кажется, отныне
Ты все на свете здесь проспишь.
В тайге привольнее живется
У золотых ее костров.
Там от души тебе поется,
Хмелеет сердце от стихов.

1975 год

ВАРЕНИКИ

Ах, до чего же хороши
Вареники из голубики!
Мы их наелись от души-
И в теле сытный дух великий.
Конечно, есть их надо с толком,
Чуть надкуси, потом глотай.
Багряным соком ягод только
Своих соседей не марай.
Евген Антонович все брюки
Тем соком сладким окропил.
Витек облизывает руки,
Как будто чью-то кровь пролил.
У Вали розовые щеки.
И только Грин наш не спеша
Жует, в истоме сучит ноги,
Его пресыщена душа.
И так, вареников отведав,
Мы будто народились вновь.
Вареники! Моя любовь!
Нет в мире лучшего обеда!

1975 год

* * *

За палаткой бродит дождь,
Бесприютный, одинокий.
А в палатке молодежь
Пишет пламенные строки.
Витька целую поэму
Накатал уже Аленке.
Тисленков слагает немо
Как всегда свои стишочки.
Рая Скрипникова вяжет
Весь из чувств орнамент строк.
На бумагу каплет даже
От любви румянец щек.
Рядом Валя примостилась,
Пишет письма, чуть дыша.
В этот миг угомонилась
В ней строптивая душа.
Лишь в палатках пожилые
В жарких чувствах не горят.
И под всхлипы дождевые,
Философствуя, молчат.

1975 год

* * *

Сюда письма приходят редко,
На пути их-дожди, дожди,
Сердце птицею бьется в клетке,
Неспокойно ему в груди.
Мысли разные, думы грустные
И бессонные ночи во мгле.
Как оковы, для сердца русского,
Бесприютная жизнь на земле.
Лишь костер согревает мне сердце
И моя голубая мечта.
Но закрыта заветная дверца,
И вокруг-пустота, пустота...
Но я верю, тайга распахнется
И исчезнут дожди и туман.
Утро солнечное улыбнется,
Ночь отступит, как мрачный обман.

1975 год

А Л И М Е Н Т Ы

Да, в жизни есть порой моменты,
Когда не сразу разберешь,
За что ты платишь алименты,
Возможно, истина, возможно ложь.
Вот так случилось и со мною.
На днях вернулись из тайги
И, как насмешка над судьбою,
Всего каких-то полстроки :
«17.30...Уплатите...»,
Как будто грома тяжкий звук...
Да, возмутит, кого хотите,
От милицейских сих услуг.
За что? Какие алименты?!
Я знать не знаю ничего!
Вы разберитесь, джетьельмены,
А то ведь я могу того...
Вот так случается.
И это очень беспокоит, о Боже!
Ах, неужели все поэты
На алиментщиков похожи?

1975 год

Г О Л У Б И К А

На мокрых марях, погляди-ка,
Раскинув щедро каждый куст,
Зовёт к себе нас голубика,
Такая сочная на вкус.
Мы шли на базу, чертыхаясь,
Под знобким сереньким дождем.
А здесь, невольно улыбаясь,
Лесное чудо жадно рвем.
Черным-черно от крупных ягод,
На них росинки, как хрусталь.
И будто нет на свете тягот.

И ничего теперь не жаль.
Наш Грин на память сделал снимок,
Он выбрал самый лучший куст.
А я, идущий вместе с ними,
Его попробовал на вкус.
Но, хоть и дождик сыпал частый,
Нарвали ягод котелок,
Да, это редкость, это счастье
Отведать ягод, видит Бог!

1975 год

Р А Я

Все законы попирая,
Гидрохимию познав,
Показала наша Рая
Свой воинствующий нрав.
Хоть сама прозрачней свечки,
Не уступит мужикам.
У нее привыкли плечи
К тяжелейшим рюкзакам.
Нет, она не ждет отличий,
Но в ручьях, наверняка,
Что-то странное химичит,
Непонятное пока.
Будто делает анализ,
Хоть порой мешает стыд...
Чтоб об этом не узнали,
Напускает мудрый вид.
Впрочем, шутка. Наша Рая
Дело любит без туфты.
И ее (я точно знаю)
Ждет награда за труды.

Октябрь 1975 года

ПЕСЕННАЯ ДУША

В тайге без песни очень трудно.
Особенно, когда дожди.
И Грин поет, поет, как будто
Сплошное счастье впереди.
Хоть жизнь, как зебра полосата,
Хоть сто потов сошло с него,
Он в каждом деле тороватый,
Поет-и вроде ничего...
Охотник страстный.
Есть у Грина пятазарядный карабин.
Но вот беда, из карабина
Оленя не подстрелит Грин.
Он с девушкой по скалам лазит.
Тут нужен утонченный такт.
Увы! Он с Валею не наладит
Психологический контакт.
Но ничего. Зато есть песня
Про зебру и про боль обид.
В горах под самым поднебесьем
Та песня звонкая звучит.

1975 год

БАЛАБОЛКИ

Что такое балоболки?
Это Рая с Валею.
Вот обсуждают кривотолки
Про таежный наш народ.
Соберутся, сядут вместе.
Новостей- на два часа:
Про начальство честь по чести,
Про любимые глаза.
Витька Пашин крикнет громко:
-Балоболки, на обед!

А они воркуют томно,
У костра их нет и нет.
Наконец-то , появились.
Помолчат хоть полчаса.
Вот опять уединились.
Чуть звучат их голоса.
Разговоры, разговоры...
Но о чем они, друзья?
Впрочем , в тайну даже вором
Никому пролезть нельзя.

1975 год

РАДИОМЕТР

Радиометр! Штука эта,
Как вириги, на мне висит.
И поэтому у поэта
По утрам преурацкий вид.
Надо с ним обращаться, как с дамой,
Обходительно и на «вы»
Если вдруг разобьешь,то прямо
Не сносить уже головы.
Я по стланику лезу с риском,
И на спуске дрожит душа.
Ну, а он распроклятым писком
Неумолчно звенит в ушах.
Радиометр. В сей коробке
Для меня Черный Джин живет.
Оттого я шагаю робкий.
Оттого я печален-вот!
Поскорей бы сезон кончался!
Поскорее бы сдать его!
Хватит!
Вдоволь уже натаскался.
Жизнь прекраснее без него!

1975 год

НА ОЛЕНЬЕЙ ТРОПЕ

На оленьей тропе тишина,
Осторожно бредет здесь она.
Смотрят ели угрюма на нас-
Кто же это шагает сейчас?
Это мы. По-охотничьи Грин
тихо взводит лихой карабин.
А тропа убегает вперед.
Сердце встречи с оленями ждет.
Чу! мелькнули средь елей рога.
На курке замирает рука.
Вот красавец, олешек лесной,
Словно чудо, стоит предо мной.
Грянул выстрел- развеялся дым.
Мы одни в седловине стоим.
А олень наш, прекрасный олень
Промелькнул где-то рядом, как тень.
Бедный Грин!
Невезучий наш Грин!
Вновь подводит тебя карабин.
Ничего- еще все впереди,
Коль охотничье сердце в груди.

1975 год октябрь

* * *

Вы слышите , грохочут сапоги,
И горы содрагаются под ними.
То мы идем и тащим рюкзаки,
Набитые камнями одними.
Вы слышите души печальный крик
И чьи-то полудикие проклятья.
И повторяют горы в этот миг
Твои слова, с насмешкой в спину глядя.
Вы слышите, как падают ветра
На знойные морщинистые склоны.
Какая сумасшедшая жара!

И мысли о покое не резонны.
Идти вперед- и никаких гвоздей,
Хоть мокрый и соленый ты от пота.
Не падать, ради будущих детей,
Не плакать, ради наших матерей,
Перебирая матом всех чертей,
Не забывать треклятую работу.
Вы слышите, устали сапоги,
И плечи отдавили рюкзаки.
Вперед , друзья! Улыбку, бедолаги!
Еще чуть-чуть, и мы раскинем лагерь.

1975 год

ЧЕРНЫЙ ДЖЕК

Несправедливый человек,
К тому же хитрый и опасный.
Тебя обидел черный Джек,
Еще на базе Колька Маслов.
С тех пор ты бродишь одиноко,
Тебя увидеть нелегко.
Лишь где-то слышен лай далекий,
Что равнодушен до всего.
А по ночам ты жутко плачешь,
На мхах от холода дрожа.
За преданность изгнаньем платишь.
Собачья мается душа.
Голодный с горькою обидой
Порой ты смотришь из кустов,
Как люди со счастливым видом
Едят поджаренных линьков.
В глазах тоскливо затухает
Глухой надежды огонек.
Собака горестно вздыхает
И убегает со всех ног.

1975 год

КАЮР

Он с «лошаками» очень дружен,
Пример другим каюра жизнь.
В отряде Мягин очень нужен,
Нам без него не обойтись.
Каюром быть -его призвание.
Нет , он не лодырь, не пижон.
Привык к таежным он скитаньям
С одним-единственным ножом.
Руководитель лошадиный!
Пусть эта фраза не звучит.
Зато все горы и долины
Ему знакомые на вид.
Он не уронит честь мундира-
Тяжелый груз перевезет.
Заварит крепкого чихира
И с наслажденьем долго пьет.
Чихир густой, чихир приятный,
Работай сердце, как мотор!
Ведь чай индийский ароматный
Есть на либазе до сих пор.

1975 год

СТУДЕНТ

На небе солнце. Откинут тент.
Расчесал бороду студент,
Огляделся он зорьким оком.
Ведь сегодня идти далеко
И, закинув за плечи ружье,
Начал он приключение свое.
Вроде шел по тропе- и вот,
Где находится , не разберет.
Закружился туман впереди.
Над тайгою шумят дожди.

То ли явь, то ль обман, то ли сон-
К геофизикам вышел он.
Накормили его, обсушили.
На заре по тропе проводили.
Говорили, что в тот момент
Браво выглядел наш студент.
Он уверенно азимут взял
И к далеким гольцам зашагал.
И о том, что его проводили,
Геофизики сообщили.

1975 год

В МАРШРУТЕ

Уходим с Тиньковым сегодня в маршрут.
Хоть я в сапогах, а почти что разут.
На скалах висит седовласый туман.
С соседней горы нас аукает Ан.
Не видно их где-то. Мы машем рукой.
Пищит радиометр в ухо с тоской.
Замеры беру, проклиная судьбу.
Тяжелые камни несу на горбу.
И кажется мне, вот сейчас упаду.
И верно, мой разум в каком-то бреду.
К полудню настала такая жара,
Что губы потрескались, словно кора.
Воды бы сейчас, ну, хотя бы глоток.
Тогда бы я дальше пошел без сапог!
Тогда бы я больше камней нагрузил...
Иду и шатаюсь, буквально без сил.
И вот, наконец-то, окончил маршрут.
А ноги меня еле-еле несут.
Ну, и романтика! Ну, и тайга!
Разбито молчат два моих сапога.

1975 год

* * *

Уезжаю на скором поезде
От березовой тишины,
Сам не знаю зачем, на поиски
Кем-то выдуманной страны.
Где она, за какими озерами.
Может, вовсе такой и нет,
Может, зря я гоняюсь за зорями
Не открытых еще планет.
И ночами, бессоницей мучаясь,
Весь полынный и лунный весь
Я ищу удобного случая
Положить в чье-то
Сердце песнь.

1975 год

* * *

(для подруги Аленки Виктора Пашина)

Снова дождь
И на сердце слякоть.
Неуютно в тайге сейчас.
Нет, не надо, Аленка, плакать,
Все еще впереди у нас.
За палаткой синеют горы,
На которых туман и мхи.
Про таежные эти просторы
Просто грех не писать стихи.
Утром снова в маршрут уходим.
Рюкзаки тяжелей судьбы.
Что-то ищем и что-то находим,
Хоть и ноги гудят от хотьбы.
На гольцы лазим с риском для жизни,
А потом у вечерних костров
Про любовь говорим к отчизне
И добреем от нежных слов.
Ах, Аленка, тебя не хватает
У бивачных этих костров.

1975 год

* * *

1. Печальное

Рая, Рая! Какое бремя
Ты несешь на своих плечах!
И наступит такое время,
Что растаешь в тайге, как свеча.
Будут ели смотреть с укоризной
Сквозь свинцовую сетку дождей,
Справит Витька печальную тризну
На таежной могилке твоей.
На усах его блестками слезы,
И на робе- дырки от химии.
Он щекой прислонится к березе,
А щека от холода синяя.
Взвалит он свой рюкзак на плечи.
Хватит! Вдоволь в тайге пожил!
Песню эту в слезах сложил
И в Хабаровск умчал в тот вечер.

2. Веселое

По таежному горному краю
Силой меряясь с рюкзаком,
С песней звонкой шагает Рая,
Подгоняемая ветерком
Что ей горы-одно название!
Нипочем ей ветра и дожди!
Вот идет она, как на свиданье,
Витька Пашин-чуть впереди.
Пусть о них кто-то грубое скажет:
Мол молочники-мокрецы.
А они- пусть Господь накажет,-
Настоящие молодцы!
Дело делают на совесть.
И от песен бежит медведь.
Я про них сочинил бы повесть
И нашел бы на памятник медь!

3. Почти оптимистическое

У Раи-мечта синекрылая!
У Раи- все впереди!
С богатырскою бьется силою
Молодое сердце в груди.
С неба звезды она не хватает
И живет незаметно в тайге,
Песни нежные распевает
Средь таежных лесов вдалеке.
Витька Пашин не может без стона
Ей в лукавые очи смотреть.
Все прекраснейшие мадонны
Нашей Раи не стоят и треть.

1975 год

* * *

Вот зевнула простипома,
И по-щучьи рот прикрыв,
С какой-то рыбистой истомой
Пропела пошленький мотив.
Потом в журнал уткнула нос.
И он похож на знак вопрос.
Ну, а Рая молодец,
В каждом деле Рая-спец.
Так что, Валя-камбала,
Ты напрасно спор вела.
И сегодня, так и знай-ка,
Ты в палатке- не хозяйка.

1975 год

* * *

Что-то наши мужики
Вновь собрались у реки.
Вот выстругивают палки.
Ясно! Это для рыбалки.
Вот бородка пламенеет.

То Тиньков стоит и млеет.
Правда, рыба не клюет,
Но рыбак упрямо ждет.
Чей-то вздох раздался длинный,
То линок клюет у Грина.
Он за ним стремится вслед,
Проклиная белый свет.
А Яй клокочет своенравно,
Ему на них смотреть забавно.
Возвращались от реки
Без улова мужики.
У Тинькова, вот беда,
Потускнела борода.
Еще печальней вид у Грина,
Такая скорченная мина!
Рыбаки вы, рыбаки,
Стыдно, право, мужики.

1975 год

НА ТАНЦЫ В ЦИМЕРМАНОВКУ

Живем в избушке-шик у нас!
Кричат к дождю шамановки
Как Вале хочется сейчас
На танцы в Цимермановку.
Она Тинькову говорит:
-Пойдем ,Евген Антонович!...
У девушки печальный вид
Румянец на щеках горит,
Как на плодах «антоновки».
А до деревни далеко,
И не дойти до вечера.
Вздыхает Валя глубоко.
Согласна -делать нечего!
И вот ей видится во сне:
Аж пыль стоит над танцами,
Она танцует при луне,
Вокруг танцуют мальчики.
Она проснулась. В темноте.
Грин в полудреме охал.
И стало ей в минуты те

От тайной грусти плохо.

Октябрь 1975 года

Членам отряда посвящается:

Г Р И Н

Его, наверное, романтика
Околдовала, как могла.
И вот теперь наш Грин из мальчика
Переродился в Узала.
Он очень опытный геолог
И, как прославленный Дерсу,
Как путь не будет крут и долог,
Он не заблудится в лесу.
Чу! Где-то в сопках раздается
Стук «именного» молотка-
Как парню творчески идетя!
Какая крепкая рука!
На голове его белеет
От солнца выцветший платок.
Геолог в деле не жалеет
Видавший виды молоток.
А за плечами настороже
Блестит на солнце карабин.
А вдруг, на горе зверю, может,
Медведя повстречает Грин.
Рюкзак увесист. Тяжелеет.
Но он шагает молодцом.
Сегодня снова он имеет
В нем два десятка образцов.
Маршрут окончен.
Возвращаясь, он что-то весело поет.
И у костра, чуть отдуваясь,
Душистый чай из кружки пьет.
Да, в этом парне много силы!
Да в этом парне хватка есть!
И, как положено в России,
Мужскую не уронит честь.
Таких тайга, как может любит
И доверяет им сполна.
Его лелеет и голубит

Суровой ласкою она.
Мне не забудется у Грина
Видавший виды молоток,
Блескучий ствол у карабина
И белый выцветший платок.

17.10.1975 года

ЛЮДМИЛА ГЕОРГИЕВНА

О Вас в отряде говорят
С большим сердечным уваженьем.
И я в своем стихотвореньи
Отметить это очень рад.
Закинув удочку за плечи,
На речку Вы спешите вновь.
И рыбу ловите весь вечер,
Внимательно насупив бровь.
Каких линьков Вы приносили
На зависть нашим мужикам!
Вы Яй почти опустошили,
Нагнали страху паутам.
На свете нет такой рыбачки.
Они пред вами-чепуха.
Какой духмяный и горячий
Имеет вкус у вас уха.
Ну, что ж,
Счастливых вам уловов!
И пусть клюют одни линьки!
Мы все хотим увидеть снова
Вас на рыбалке у реки.

1975 год

* * *

Для Раи дочерний долг
Пред матерью всего превыше.

И, в голубике зная толк,
На марь она недавно вышла.
Набрала полный котелок.
Ей не с руки яшкаться с ленью.
И вот пылает костерок-
Для мамы варится варенье.
А Рая с ложкою стоит,
И у нее счастливый вид.
Пройдет неделя, две и мама
От дочери получит в срок
Из предалекой дали самой
Варенье, сваренное впрок.
Она похвалит дочь за это.
Не будем забегать вперед.
Пусть Рая варит до рассвета,
И Грин советы ей дает.
О да, получится у ней
Наивкуснейшее варенье,
Зари прекрасней и красней,
Достойное стихотворенья.

1975 год

Р Ы Б А Ч К А

Стоит на пристани рыбачка,
Зеленоглаза и боса.
Не верь пророчествам, чудачка,
Обманы чаек голоса.
Не верь, что эти крики птичьи
Опять сулят сезон ветров.
Видать, такой у них обычай-
Тревожиться за рыбаков.
Пора привыкнуть к ожиданью,
Ведь все равно за этой далью
Любимого не разглядишь.
Уж чаек нет над побережьем,
А все стоит и ждет она.
Но тайну моря, как и прежде,
Не выдаст горькая волна.
Наступит ночь, без звезд, слепая.
Вдали все явственней штормит.
И до утра не угасая,

В окне рыбачки свет горит.

1976 год.

СЛУЧАЙ В ПИВНОЙ

Шумела-пенилась пивная
В периферийном городке.
Рыдала женщина седая
С пустою кружкою в руке...
Она заглядывала в лица
Хохочущего мужичья,
Вся , как подстреленная птица,
Без рода племени -ничья.
Таких не чествуют от века.
И трудно было осознать,
Что в этом получеловеке
Таится женщина и мать.
О чем она сказать хотела?
Быть может главное для нас,
Что выплеснуться не сумело
Из глубины кричащих глаз.
И вдруг протест, она сорвала
Косынку с белой головы
И в дым табачный прозвучало:
-А -я -то думала... Эх, вы!
И как-то вмиг установилась
В пивной такая тишина,
Что съежилась, остановилась
В недоумении она.
Глядела пристально,с надеждой,
Впервые, кажется, стыдясь
Своей измызанной одежды
И клички «потаскуха-мразь».
Вней все как будто говорило:
«Я ж человек...среди людей!...»
Она не жалости просила.
Сползала маска равнодушья
С лиц,проступающих в дыму.
И было нестерпимо душно,
Лишь непонятно-почему.
...Шумит и пенится пивная.
Но только с той поры сюда
Вот эта женщина седая

Уж не приходит никогда.

(Из письма жене 21.09.77 г.)

* * *

Осенний день.
Безмолвная река.
Плакучих ив золотое увяданье.
Ты от меня сегодня далека.
Разлука, Дни. Раздумье. Ожиданье.
Пишу письмо.
А ты передо мной.
И мне тепло от искреннего взгляда,
Как будто слушаю сейчас с тобой
Мелодию лесного листопада.
Людмила, милая, хоть что-то расскажи!
Все ясно! Ты опять молчишь о чем-то.
Бывает одиночество души,
Ну, разве ее выскажешь пером-то?
А я назло разлуке и печали
Средь тишины беседую с тобой.
Под шорохи волны речной
Припоминаю все, чем жил вначале.
И кажется, среди плакучих ив
Ты бродишь берендеевой тропинкой.
У осени раздумчивый мотив-
В нем Ференц лист тоскует или Глинка?
И я смотрю, я верю в чудеса:
Ты вот сейчас ко мне на берег выйдешь,
Меня здесь одинокого увидишь
И поглядишь мечтательно в глаза
Ах, нет, чудес на свете не бывает!
Ты далека, как десять лет и зим.
Неужто с этой осенью сгорим?
И все, что было, дымкою растает?
Не верю! Не хочу!
Ведь нам с тобой дано
Друг-друга встретить, полюбить, быть вместе.
И мне нельзя той чести уронить!

* * *

Люда, Людочка! Радость и грусть
Мое сердце сейчас тревожат.
Этот год не напрасно прожит.
Я в разлуке любить учусь.
Вот и осень. За окнами дождь.
И деревья стоят в печали.
Но тепло мне от милых ладошь,
Что когда-то меня ласкали,
Закрывали глаза : не гляди!
Не забыть тот прощальный вечер.
Я тебя обнимал за плечи,
Сердце сдерживая в груди.
Говорил, что люблю преочень,
Что в разлуке всегда.
Но опять поезда... города
И опять между нами осень.
Осень,осень!
Шумят дожди!
Сколько верст между нами , ужас!
Но надежда живет в груди,
И она на совесть служит.
Знаю я: отзвенит листопад,
Упадут с неба белые мухи...
И не станет уже разлуки!
И не станет уже преград!
Люда, Людочка, милая, знай,
Я тебе буду только верен.
Мы для счастья откроем двери,
Чтобы жизни был вечный май.

* * *

В священном чувстве ностальгии
Тоска по Родине живет,
Но есть страдания другие,
В которых тот же пламень жжет.
Не защищены и ранимы,
И безутешны до конца,
Мы так тоскуем по любимым,
Что разрываются сердца

1976 год

* * *

Волны выбросили на берег
Утонувшего рыбака.
И душа его чайкой белой
Будет плакать теперь века...
Пусть же вечно та чайка плачет
У просоленных берегов,
Облегчая сердца рыбаков,
Не дождавшихся рыбаков.

1976 год

НА ПРИЧАЛЕ

Сезон дождей.
Сезон печалей.
Я вновь и вновь
Сюда приду,
Хотя на ветреном причале
Давно уж никого не жду.
Кричат суда.
Их отголоски
Протяжно тают над рекой.
И горький дым от папироски...

1977 год

* * *

Я, как всякий русский человек,
Нынче в ожидании беды...
За окном мерцает тихий снег,
Заметает прошлого следы.
Догорает тусклая свеча,
Будто за помин моей души.

На стене, где профиль Ильича,
Зыбкий свет трагически дрожит.
Вот и снова встречу Новый год.
Только не веселым будет тост
Ни надежд на счастье, ничего,
Кроме подступивших горьких слез.
Чу! Храпя, сбиваясь на ходу,
Бьют часы. И кажется, в ночи
Тяжко и тревожно, как в бреду,
Сердце моей Родины стучит.
И сказки к нам стучатся в двери.
И я, покорный ваш слуга,
Прошу : печалиться не стоит.
Да будет радостным застольным
В кругу родного очага!
Еще всем бедам вопреки
Желаю в славный год собаки:
Богатств и счастья, земляки,
Удач и достижений всяких!

(Зимовье. г. Ленск. Якутия 1979 год)

* **

О чем грущу, поведать не могу.
О чем мечтаю, сам не понимаю.
Мне кажется порой, что на снегу
Твои я письма тайные читаю.

* * *

Больше мы не ссоримся , как прежде.
И вдвоем не ходим уж в кино.
Друг о друге думаем все реже,
Сердцем оскудевшие давно.
Так и не создали мы семью.
Видно, это было не под силу.
Может, я другую люблю
И она, как ты, подарит сына.

* * *

Над райцентром светят звезды.
Жить нам было легко и просто
В том , далеком уже, апреле...
Как мы, Люда с тобой посмели
Посягнуть на такие чувства!
И теперь, зубы стиснув до хруста,
От любви мы уходим, уходим
Но, увы! Ничего не находим!

07.03.1979 года

О Ж И Д А Н И Е

Уходите, плохие сны,
Не тревожьте на сердце раны!
Я живу в зимовье до весны.
И на что-то надеюсь странно!
Неужели обманет судьба?
И изменит опять Фортуна?
В сердце мыслей и чувств борьба...
Обрываются с болью струны...

06.03.1979 год

* * *

Ночь за окном горит луна,
Как будто тусклая лампада.
Приди ко мне, Шихерезада,
Налей мне терпкого вина!
Готов три тысячи ночей
И плюс еще три звездных ночи
Я слушать мед твоих речей,
Заглядывая тихо в очи.
Шихеризада! В сказках тех
Так хорошо и благодатно.

Но жизнь толкует их превратно
И поднимает нас на смех.

28.02.1979 года

ВЕСЕННЕЕ

Бродит в березах раскованно сок.
Жилка набухла... Взгляни на висок!
В венах бунтует казацкая кровь.
Значит, еще существует любовь!
Значит, еще не погасли глаза,
В которых то тишь, то лихая гроза.
Встаю в спозаранку, котомку беру.
Пусть чувства и мысли звенят на ветру!
Пусть версты цветами ложатся под ноги.
Мне весело думать, что снова в дороге.

1979 год

* * *

Очень жалко мне того мальчишку,
Что ушел из жизни от меня.
Видимо, он был обидчив слишком,
Где теперь он бродит без меня.
Я теперь не тот уже, не скрою.
И в глазах моих холодный свет.
Где же ты, какой идешь дорогой,
Фантазер, мечтатель и поэт?
Да, тебя обидели жестоко.
Ты, наверно, больше не простишь?
Отчего в глазах твоих тревога?
Почему скрываешься, молчишь?

25.02.1979 года (воскресенье)

Б А М

Свирепей фрицев омары.
Не зря их матом кроют.
Но не смолкают топоры,
Хоть не дадут «героев».
... Здесь вам не Гагры. Это -Бам!
А лучше-стройка века.
Я здесь сдавал экзамен сам
На звание человека.

1979 год

ПОДСНЕЖНИК

Отсырел и горчит валежник,
И, проклюнувшись, наконец,
Копошится в снегу подснежник,
Желторотый смешной птенец,
Вот глупышка!
Ну, разве можно рано так
Расцветать в лесу.
Я сорву его осторожно
И, согрев, домой принесу,
За проталинку приняв вазу,
И, освоившись на окне,
Как живой синим-синим глазом
Он подмигивать будет мне.

1979 год

ТИКСИНСКИЕ РЫБАЧКИ

Я не берусь с легендой спорить,
Когда штормит и над причалом
Звучит неслыханное горе
В многоголосом плаче чаек.
Здесь верят искренне, что это,
Тоскуя, кличут жен поморы,
Которых не вернуло море
И обрекло скитаться где-то.
Таится боль в глазах рыбачек,
Что в молодости овдовели,
Состарились и поседели.
Но жить уж не смогли иначе...
Их верность так необычайна,
Так редкостна великолепна.
Их успокаивать не нужно,
А то обидите случайно.
Они себя уже не мыслят
Без ожиданья на причале,
Где чайки кружатся в печали,
Как будто от любимых письма.
И лишь когда конец путины,
И рыбаков встречают жены,
На вдовьих лицах облегченно
Слезам полнятся морщины...

1979 год

* * *

Когда любимая уходит,
И знаешь-не вернуть ее,
Жизнь почему-то переходит
Совсем в другое бытие,
Где все, как прежде, и иначе,
Где тот все тот же и не тот...
И все ж смеешься или плачешь,

Она с тобой который год!
Ее присутствие незримо,
Но ощутимо, словно боль.
Она останется любимой,
Единственной, неповторимой,
Она-расплата за любовь!

1980 год

МАТЕРИНСТВО

Мне кажется Божественной мадонной
Склонилась ты над зыбкой малыша.
И сразу сын узнал твои ладони,
В которых материнская душа.
Ты грудь даешь, и в комнате светлей,
Как от луны, взошедшей среди ночи.
Бессмертна жизнь, пока у матерей
Счастливые сияющие очи
От этих лун, взошедших среди ночи.

1979 год

* * *

Ты не грусти под крики журавлей.
Ведь если хорошенько разобраться,
Им с родиной гораздо тяжелей,
Чем нам с тобой, сегодня расставаться.

1980 год

** *

Нет ничего трудней на свете
Своих любимых забывать.
Они уходят на рассвете,
И силой их не удержать.
Еще пока как будто ваши,
Все могут с радостью простить,

Вернуться в дом,недобрым ставший.
Рожать детей,свой крест нести...
А ведь всего-то было надо
Признать вину, сказать «прости»,
Вслед выбежать и за оградой
Уж никуда не отпустить.

1980 год

* * *

Эта осень пришла в разлуке
Одиночеством ,без тебя.
Листья, падая, жгут мне руки,
И летят журавли, трубя.
Тихо в парке,
как будто в мире
Нет ни войн уже, ни врагов.
Возвращаюсь домой, в квартире
Оглушительный бой часов.
Вновь и вновь
Ухожу, все бросив,
В одиночество и в себя,
Где горит-догорает осень,
И летят журавли трубя.

1980 год

* * *

Брожу по городу один.
На улицах воспоминаний
Я царь себе и господин,
Постигший высший смысл страданий.
Рождений, творчества, смертей,
Поруганной любви и чести,
Проклятой совести моей,
С которой нелегко быть вместе.

П Р О С Т И

За старые грехи,
За чувства без огня,
За легкие стихи
Прости, прости меня.
За нежность и за грусть,
За женщин на пути,
В которых я влюбляюсь...
За все, за все прости!

1981 год

* * *

Неужели ты не слышишь,
Как тоскующий в ночи
Барабанит дождь по крыше
И жестяный лист бренчит,
Как мяукает истошно
На дворе приبلудный кот,
И вздыхает осторожно
Старый тополь у ворот?
Неужели ты не слышишь
И не чувствуешь сейчас.
Как из дома кто-то вышел,
Одинокий в этот час,
Как, таясь по переулкам,
Бродят шорохи без сна,
Как забилося гулко- гулко
Чье-то сердце у окна?

1980 год

* * *

Если кто-нибудь где-нибудь
В трудную пору
Скажет : «Жизнь бесполезна,
Бесплодна, пуста,-»
Не суди о других по его разговору:
Может, сам он такой,
Может , в этом беда.

ПУСКАЙ ВСЕГДА

Чтоб люди плакали от радости,
Чтоб светлой грусть была в глазах,
Пуškai цветут извечно радуги
В умытых ливнем небесах.
...Чтоб юность целовалась в скверах
У всех прохожих на виду,
Пуškai весна стучится в двери к нам
Двенадцать месяцев в году.

* * *

Конечно, мы о нем не знали,
Не принимали срочных мер...
И вот он вырос между нами,
Психологический барьер.
... Выходит , сами постарались...
А что в итоге? Ничего.
Мы в одиночестве остались
По обе стороны его.

1980 год

* * *

Вновь они плывут извечным клином
Над осенней роздымью земли.
Вновь в негромком клике журавлином
Грусть по гнездам, брошенным вдали.
От щемящей птичьей ностальгии
Сердцу и тревожно, и светло.
Так и нам с тобой края другие
Не заменят родины тепло.

1980 год

* * *

Мы выходим втроем из дома,
Не распавшаяся семья.
И совсем невдомек знакомым,
Почему слез не прячу я.
Вновь опорой тебе мой локоть.
Близко-близко твое плечо,
И увядший любимый локон,
Не осознанный мной еще.
До чего же слепяще светит
Распроклятое серебро!
Сын ручонками ловит ветер.
Для него этот мир -добро.
Он смеется, свое лепечет,
Самый главный наш человечек,
Солнцу радуется и весне.
... Даже страшно тебе и мне.

1980 год

* * *

Сыграла жизнь презлую штуку
И разлучила нас с тобой.
Мир опустел. И стало жутко
От одиночества с другой.
Пусть я любим. Живу в достатке,
Но понял вдруг, что не смогу
Играть с самим собою в прятки
И забываться на бегу.
Куда б ни шел, куда б ни ехал,
К какой бы не примкнул судьбе,
Меня преследуют, как эхо
Воспоминанья о тебе.

1980 год

* * *

Я столько дней один живу в квартире,
Где сохранить пытаюсь твой уют.
Рву календарь и радуюсь, когда часы пробьют.
Вполголоса включаю репродуктор,
Готовлю завтрак, думая, что спишь...
И каждый раз, со мной встречая утро,
Ты грустно с фотографии глядишь.

1980 год

* * *

Причулымская сосна
У седой речной излуки
На орлиной крутизне
Прямо к солнцу тянет руки,
Как девчонка, по весне.
И у ног ее по-птичьи,
Разрумянены слегка,
Кочевой забыв обычай,
Спят вповалку облака.

* * *

Осень входит в права,
И у белой березки
Пожелтела листва,
Потускнели сережки.
Журавлями трубя,
Ветер рвет ей одежду...
Вспоминаю тебя
Я печально и нежно.
Мы прошедшей весной
У березки, у этой,
Целовались с тобой
И встречали рассветы.
Что ж, видать не судьба,
В сердце боль и остуда.
Но навеки тебя я уже не забуду.

* * *

Я родился и вырос в лесу,
Где такие таежные дали,
Что, влюбившись вот в эту красу,
Забываешь земные печали.
Там зимой, утопая в снегу,
Тихо бродят красавцы-олени.
Там, вдали от людских поселений,
Я свободу свою берегу.
Там тоскливо, по-волчьи, пурга
Завывает, как с голода звери.
Там такие большие снега,
Что расскажешь кому- не поверят.
Словно кости, трещит глухомань,
Если грянут морозы за сорок.
Дышит дымом в рассветную рань
Небольшой эвенкийский поселок.
После тяжких таежных трудов
Я сюда возвращаюсь к уюту.
Может, он не по сердцу кому-то,
Ну, а мне он милей городов.
И пускай половодье весной
Заливает листвяжные хаты,
Мне отрадно в сторонке лесной,
Где по улице бродит сохатый,
Где прекрасные люди живут
Очень крепкой сибирской закваски,
Где меня за околицей ждут,
Затаясь, эвенкийские сказки.

* * *

Взойдешь на холм,
И-мать честная!
Откроется такая даль,
Что даже самая шальная
Вмиг улетучится печаль.

* * *

За окошком плачет дождь.
Мне его понятны слезы.
Ведь обидно, если грезы
Пропадают ни за грош.
До вечерней темноты
Дождь оплачет все надежды...
И душе, как без одежды,
Стыдно зябкой наготы.
И наступит ночь. И вновь
От бессонницы не скрыться,
И тогда, чтоб мне забыться,
Сочиняю про любовь...
А любви-то видит Бог,
Нет ее на белом свете,
Засыпаю на рассвете,
Лишь затеплится восток.
Вновь Иисус Христос во сне
На меня глядит кудлатый...
Может, это я, распятый,
Там остался-на стене?

О ЧЕМ ПОЕТ НАРОД ОТЧИЗНЫ?

О чем поет народ отчизны,
Что жил под игом большевизма?
Ну, разве утаишь в секрете
Российские частушки эти.

Ах, тоска, моя тоска,
Жизнь беспросветная!
Чем же ты была плоха
Власть моя советская?

Прежних песен не поем
И не веселимся,
Потому что мы живем

При капитализме.

Широка страна родная.
Много в ней лесов и рек.
Я теперь здесь не хозяин,
Ибо нищий человек.

Вволю я, как говорится,
Ел и пил при Брежнев.
Жаль, уже не возвратится
К нам житуха прежняя.

Из Германии нам шлют
Помощь -подаяние.
Хуже, чем в войну «капут»
Это сострадание.

Я не ездил за границу
Ихней жизнью подивиться.
Знаю только, что у нас
Славно жил рабочий класс.

Плачет бедная душа
У России-матери.
Обогнали С Ш А
Лишь по демократии.

Уж живем не по старинке.
Как у них, у нас дубинки.
И теперь дубинки эти
Учат вольно жить на свете.

До чего вожди -пророки
На Руси прескромные.
Что такое перестройка,
Объясните темному?

Говорят, пора застоя-
Это пьяное застолье
А теперь едрена-мать
И не выпить, не пожрать.

Нам твердят, что при советах

Жизнь была прескверная.
Но боюсь, что будет эта
Просто ад, наверное.

Пред народом клялся Ельцин:
-За тебя готов на рельсы...
С нетерпением народ
Исполненья клятвы ждет.

Ах, башка, моя башка,
Бестолковка пьяная!
Прогорим наверняка,
Реформисты драные.

Ты храни меня , Господь,
От беды-политики.
Не в чести у них, господ,
Плюрализм и критика.

Ах, уймись, моя гармонь,
Замолчи, пожалуйста!
А не то придет ОМОН,
Изобьет без жалости.

Что ты, право, голосишь,
Как по упокойнику?
Все равно не возвратишь
Нашу жизнь застойную!

* * *

Наконец-то, в город наш рабочий
Полевые хлынули ветра.
И весна, как вдохновенный зодчий,
Обновляет улицы с утра.
Моет окна,выставляет рамы,
Мусор убирает, жжет листву...
Я и сам сегодня, как ни странно,
Просыпаюсь по-крестьянски рано,
Вешними заботами живу.
Знаю... от себя уже не деться
(я ведь из недавних горожан),
Если по земле тоскует сердце

И совсем измаялась душа.
Я от этой смертной ностальгии
Мучаюсь уже который год.
Видно, деревенская Россия
До сих пор и ждет,
Что, насытись жизнью городской,
Возвратятся блудные сыны...
Снятся мне весной село и поле
Дальней, дорогой мне стороны.

* * *

Забывшись от избытка чувств,
Как в детстве развеселом,
Я по небесным лужам мчусь,
Расплескивая солнце.
Грудь распирает хмель весны.
И я готов хоть вечность
Вот так бежать, задрав штаны,
Бесцельно и беспечно.
Мне надоело день-деньской
Быть скучным и серьезным.
Удрать бы от молвы людской
И этой жизни взрослой!
Крестясь, с испугом смотрит вслед
какая-то старушка:
-Совсем на вас управы нет,
Бессовестный пьянчужка!
Грозит мне пальчиком с перстнем
Водитель черной «Волги»,
Он господин. И я о нем
Уж точно знаю-сволочь!
Поэт лишь шизик для таких,
Когда в державе кризис.
Всех майских радостей земных
Ему дороже бизнес.
В я? Коль откровенно, мне
Плевать на пересуды.
Я и сегодня по весне
Самим собою буду.
Пуškai законченный чудақ,
Пуškai дитя природы,
Превыше всех подлунных благ
Мне личная свобода.
Вот почему в избытке чувств,

Как в детстве развеселом,
Я по-весенним лужам мчусь,
Расплескивая солнце.

* * *

Не завидуй людям осторожным,
Жизни их спокойной, как настой.
Молодость без молний не возможна-
Пусть грохочет гром над головой!
А у них, чтоб жить да не споткнуться,
В землю взгляд привычно устремлен.
Звезды с неба им не улыбнутся,
Счастье их обходит испокон.

* * *

Тянет в плаванья нас и в полеты.
И казалось порой, навсегда
Уводили меня самолеты,
Увозили меня поезда.
Сердце рвалось в просторы иные,
Не привыкшее жить без тревог.
На нелегких дорогах России
Истоптал я десятки сапог,
Я гонялся в тайге за судьбою.
В горы лез. Был у жизни на дне.
Всюду грезилась ты, но с тобою
Повстречался в родной стороне.
И пускай, как бывало когда-то,
Не шумит по-весеннему кровь,
Разве в этом она виновата-
Запоздавшая наша любовь?

21.12.1983 год

* * *

Песня журавлиная-
Полонез Агинского!
Плачет, словно женщина
Осень Причулымская.

Плачет , неутешная,
В горьком одиночестве,
Ей из мира нашего
Уходить не хочется.
Багрецом и золотом
Блещет платье бальное.
Но, увы кончается
Праздник лета бабьего
Уж, пора казалось бы,
Не скорбя ,не мучаясь,
Ей смириться надобно
С этой горькой учестью,
Все мы не бессмертные,
И ничто не вечное.
Никого не балует
Время быстротечное.

* * *

XX век, летящий в высь,
На крыльях звездных весен.
А наша жизнь, а наша жизнь,
В срок отгорит , как осень.
Вновь молодеют города,
Стоявшие веками.
У нас в запасе лишь года,
И те промчатся с нами.
Извечен дождь, извечен снег,
Закаты и восходы...
А ты лишь жалкий человек,
Хоть и венец природы.
XX век геройский путь
Давно избрал без страха.
Увы! Лишь мы когда-нибудь
Ничтожным станем прахом.
Кто мы такие- ты и я?
Мгновенья жизни наши.
Мы-лишь частицы бытия,
Сгоревшие однажды.
Пусть будет так!
Но все равно
Не верю в быстротечность.
И нам бессмертие дано,

Хоть обратимся в млечность.

* * *

Спой, гитара, мне песню веселую.
Только память в душе не буди.
Я тебя, словно женщину голую,
Прижимаю с любовью к груди.
Спой , гитара, чтоб сердце усталое
Позабылось в родимом краю.
Чтоб заслушалась матушка старая,
Спой, гитара, а я подпою.
Спой,чтоб девушка,
песней взволнованна,
Из соседнего с нами двора
Постучалась в окно зачарованно
И осталась со мной до утра.
Я ее назову королевою
Дивной золушкою назову,
И вот с этою юною девою
Я волшебную розу сорву.
Будет ночь до безумия звездная.
Будет где-то нам петь соловей.
Не горюнься, любовь моя поздняя,
Я еще не остывших кровей.
Разливайся сияние лунное
На высокой девичьей груди.
Ты не плачь по невинности, юная,
Может быть, все у нас впереди.
Хочешь, песню сыграю веселую?
Для тебя для одной эта песнь.
Я хочу наглядеться на голую,
На такую, какая ты есть.
Ты природою мне лишь завещана.
Пробил час твоей юной зари.
Поздравляю! Отныне ты женщина.
Будь же умницей!
Слезы утри.

* * *

Плачет ива-вдовушка

С зорьки до заката.
Изменил соловушка,
Улетел куда-то.
Не до сна плакучей
Поседела от тоски горючей
Стонет -убивается
Под осенним ветром:
«Где ты, сизокрыленький?
Будь великодушен,
Возвращайся миленький,
Томи мне душу...»

* * *

Чуть тлеет предрассветье на востоке.
Земле-старушке снится чудный сон.
С оконных звезд,немыслимо-далеких,
Слетает колыбельный перезвон.
Спят люди, звери, травы и деревья.
Лишь наши души в этот час не спят.
Ты на меня глядишь с таким доверьем,
Что я не в силах отвести свой взгляд.
Давай не будем тратить понапрасну
Сейчас совсем ненужные слова.
Такие ночи дарит жизнь не часто
Когда добро и зло , как будто братья,
И святотатством кажется обман.
Вот звездочка упала...
Это к счастью!
Случаен ли случайный наш роман?
Наверно, нет.
Я верю : между нами
Заборы отчужденья снесены...

* * *

Я устал разгадывать тебя.
Мне твои кроссворды надоели.
Обманула, видимо, судьба,
Коль так быстро чувства прогорели.
Мы расстались очень уж легко,
Ни о чем, что было, не жалея.

Впредь не ошибайся , Тисленков,
От любви придуманной шалея.
Жизнь еще не раз обманет нас.
Ведь и Бог, наверно , ошибался.
Трижды проклиная день и час,
Когда я с тобою повстречался.
Сколько я на свете потерял,
Хоть спешил за счастьем, что есть мочи!
И теперь вот одиноким стал,
Как ущербный месяц среди ночи.

* * *

Мы с тобой мудреем год от года.
Седины все больше. Ну, и пусть.
От промозглой слякотной погоды
Ломит кости и на сердце грусть.
...По закону жизни это старость.
Не вернуть цветущие года.
И теперь собратья лишь осталось,
Чтоб уйти тихонько в никуда.
Право огорчаться нам не стоит.
Не остудит чувства седина.
Даже пусть мы станем перегноем,
На земле не кончится весна.
... Будут цвести всегда над нашим прахом
Полевые русские цветы...

* * *

Вот и осень.
Когда-то границы
Были шире для встреч и разлук.
И бичи, перелетные птицы,
От зимы удирали на юг.
К сожаленью, теперь бедолагам
В те златые края не попасть.
Там отныне не красные флаги,
Не родная советская власть.
Там отныне уже зарубежье
И не слышится русская речь.

...Потеряешь головушку с плечь.

* * *

Осень,осень...
Философская пора.
Ты души моей и сердца
Милосердная сестра.
Мне с тобой
Опять отрадно,
Хоть и кажется порой:
Нет уже на свете правды,
Дружбы и любви святой.

* * *

Пустые рощи и поля...
На огороде конопля
Стоит седым-седая.
... И вдруг засветится душа
От песни снегириной.

* * *

На чутко вздрогнувшее сердце,
Как золотой парашютист,
Слетел с березы самый первый
Еще такой наивный лист...

* * *

Лети , моя песня,
В нездешние дали,
Спасай от беды,
Исцеляй от печали.

* * *

Россия! Ты во все века
Была могучим исполином.
И не разгаданы пока
Душа и сердце славянина.
Ты верой в доброту крепка.
И, слава Богу, что доныне
Не смыла времени река
Твой русский дух,
Твои святыни.
Опять набатно и тревожно
Гудят твои колокола,
Теперь уж на земле безбожной.
Где торжествуют силы зла...

* * *

За березами с испугом
Билась в паводке шуга.
И мучительно друг с другом
Расставались берега.

** *

Сгорело лето. Ветры рыщут,
Как стаи одичавших псов
На потускневших пепелищах
Еще дымящихся лесов...

* * *

Прекрасен утренними росами,
Турбинной музыкою рек,
Застольным хлебом и березами
Нелегкий наш XX век.

* * *

Уезжают девчонки и мальчики
От своих родителей тайком.
Потому что в мире есть романтика
И легко живется с рюкзаком.

* *

То же солнце, те же звезды,
Только в мире без тебя
Стало жить совсем не просто...
Суеты сует прохожий,
Я иду... Куда? Зачем?
Я как будто вечность прожил
Одинокий и ничей.

* * *

Август, Вечер. Тишина без края.
Воглое дыхание земли.
В предзакатном свете догорая,
Грустно тает облако вдали.

* * *

Опрокинулся над Русью
Ковш медведицы златой.
От медовой браги грузный,
Полон силушки хмельной.

* * *

Где-то пир застольный,
Шампанское -рекой.
А здесь, у старушки убогой
Стакан молока,да краюшка хлеба.
Кошка голодная греется у ног...

* * *

Россия во мгле.
И все же сегодня
Поднимем, друзья,
Этот тост новогодний...
За тех , кто расстрелян у Белого дома...

1986 год

1.

О, русский мой народ!
Из скифской мглы столетий.
Был твой былинный взлет
Загадочен и светел.
Под пушки Октября
Твой дух воспрял веселый.
Мы скинули царя
С извечного престолав.
Но Ленин лишь мелькнул
Звездой на небосводе.
И сталинский разгул
Поставил крест свободе.
Какая кровь лилась!
Какие гибли люди!
Ведь захватила мразь
И власть, и правосудье.
Нам обещал Хрущев
Все блага коммунизма.
Но от красивых слов
Не стало лучше в жизни.
Нам брежневский застой
Затмил умы обманом...
Ударились в запой
Мы с горя, как ни странно.
Нет разницы средь нас,
Среди мужчин и женщин...
Уже не пьют сейчас,
А беспробудно хлещут.
Не ждали сей беды,
Большой и экстремальной.
И это все плоды
Болезни социальной.
Она в наш общий дом
Проникла, словно вирус...
И обернулась злом-
Ведь пол России спилось.

О, пьяная чума,
Что перегаром дышит
И сводит всех с ума!
Сегодня жутко слышать
Чиновничий ответ:
Мол, спились, у , и ладно...
Но не восполнить, нет,
Погибшие таланты.
А русская душа
Великого народа?
Она ведь ни гроша
Не стоила все оды.
И измельчал народ
Былой славянской славы.
Он, как изгой, живет
В своей стране бесправный.
Гармоник не слышать,
Застольных песен тоже.
Неужто штрафовать
За праздники нас можно?
Неужто надо жить,
Дом укрепив, как крепость?
По-рыцарски любить-
И то уже не лепо!
Сосед-и тот как враг...
И стали отчего-то:
И по расчету брак,
И дружба по расчету.
Всего превыше блат.
Всего превыше связи.
Средь всех чинуш подряд
Черным-черно от мрази.
Милиции не счесть...
Короче тяжело стало:
Ни выпить, ни поесть,
Как в старину бывало.

2.

Где ты, русская земля?
Бей в набат, как водится.
Слава богу , из Кремля
Здравый глас доносится.
Слава богу, там , в Кремле,
Осознали прошлое.

И на русской на земле
Долю ждут хорошую.
Но тревожат наш народ
Мрачные пророчества :
Мол, со временем замрет
Перестройка общества...
Кто об этом говорит?
Тот, кто влево кренится,
Кто, утратив честь и стыд,
На хребту у нас сидит,
Называясь «ленинцем».
Горбачеву нелегко.
Вдруг да он не справится?
Ведь пустила глубоко
Корни зла бесправица.
Ведь командный аппарат
С креслом не расстанется.
Бейте, русские в набат!
А не то останется
Он у власти. И тогда
Гласность с демократией
Вновь заглохнут навсегда...
И не будет партии !
Той, что создана была
Человечьим гением,
И на время умерла
Вместе с нашим Лениным.

3.

О, русский мой народ!
Душа твоя в неволе!
Уже который год
Ты ждешь счастливой доли.
За то, чтоб дом твой был
Отрадным и высотным,
Ты кровью заплатил
И горьким смертным потом.
Так почему сейчас
Живут у бедной грани
Простой рабочий класс
И хуже всех-крестьяне?
Ведь, за границей, там,
Нет этих безобразий...
В Кремле, ответьте нам?

Наш путь совсем неясен...
Ну, а ответ-то прост.
И нет уже секрета:
Лишь тот Иисус Христос,
Кто в жизни с партбилетом.
Лишь тот, чей кабинет
Уполномочен властью,
Живет, как мироед,
Не ведая напастей.
Не все, конечно...Но
Премногие чинуши
Уже давным-давно
Продали черту души.
Сегодня их не взять
Нам голыми руками.
Но этак можно стать,
Как у господ, рабами!
О, русский мой народ,
Очнись от долгой спячки.
Нас Ленин вновь зовет
На боевые стачки
Ударим же а набат!
Пусть каждый будет стойкий!
Ведь нам без баррикад
Не сделать перестройки!

4.

Революция нужна!
Слышите, товарищи?!
С голодухи от вина
Души, как пожарища.
Мы разрушим, дайте срок,
Но, не надо, видит Бог,
Разводить анархию.
Нам вождя не достает,
Разбудите Ленина!
И поднимется народ.
Под знамена гения.
Грянет гнев людской в набат
И сплочит землячества.
И командный аппарат
Будет свергнут начисто!
Мы устали от речей,
От газетных «выстрелов»...

Не пора ли крикнуть :

- Эй!

Хватит этих диспутов!
Перестройка третий год.
Голова уж кружится.
Мы ж ни назад и ни вперед-
Обществу не дужится.
Наш народ раздет, разут,
Ненакормлен досыта.
Лишь чиновники живут-
Ангелы христосовы.
Где же с горя не запьешь
От банкротства этого?
Век ишачишь, а живешь
Хуже негра бедного.
Нам вовеки не догнать
Страны зарубежные,
Пока будут восседать
Во Кремле старейшины.
Не пора ли из чинуш,
Хоть и бойня адская,
Понаделать мертвых душ,
Как тогда, в гражданскую...
Революция нужна!
Слышите, товарищи?!
А не то у нас страна
В пух и в прах развалится.
Нам вождя не достает.
Разбудите Ленина!
И поднимется народились
Под знамена гения.
Светлане Марченко посвящается:

* * *

Уж неделя .Как живу
Я под родительскою крышей.
Уж не во сне, а наяву
Души отрадное затишье.
Я в измерении ином,
Где мне все видится иначе:
И бабье лето за окном,
И все былые неудачи.
И кажется опять судьба
Мне голову морочит,дура,

Что вовсе не было тебя,
Что я все это лишь придумал.
Проходит мимо почтальон.
Мне ни письма и ни привета.
Неужто все-осенний сон,
И ничего, что было, нету?...
Я будто побывал в аду.
Жизнь не наладишь за неделю...
И все же я чего -то жду,
Во что-то верую, надеюсь...

1986 год

* * *

Чуть-чуть оттаяло в груди.
И отсверкав прощальным светом,
Ушло тихонько бабье лето.
И вот нагрянули дожди...
Под мудрой сенью октября
Живется мне легко и просто
Но, откровенно говоря,
Душа моя сейчас, как остров,
Необитаемый, пустой,
Никем, увы, не заселенный...
Я грешник, но какой святой!
Я пресмыкаюсь , окрыленный!
Опять один. Опять в ночи
Мерцают образы и звуки.
И снова творческие муки
В приливах крови горячи...
О, как я, право , устаю
И рифмовать,
и жизнь итожить.
Сейчас шальную боль мою
Унять лишь женщина поможет.
Но что осталось от него,
Мне от заочного романа?
Мы друг от друга далеко...
Что делать? - подскажи, Светлана.
Хотя бы строчку напиши.
Облегчи добрым словом боли
Моей измученной души,
Дождавшейся желанной воли.
Я не пещерный человек.

Довольно сердцу робинзонить!
Ведь у меня короткий век,
И я теперь-уже...
Откликнись, Света отзовись!
Я жду конкретного ответа.
Давай устроим нашу жизнь,
Хоть кажется, не сделать это...
Я верю, что не зря судьба
Свела в житейском закоулке.
Коль счастье нам дается в руки,
Не надо обрекать себя
На одиночество. Увы,
Нам снова уж не повториться.
Ты слышишь, я хочу любви!
Я так хочу в тебя влюбиться!

1986 год

* * *

Пусть жизнь, как зебра полосата,
И небо в клеточку порой...
Во всех несчастьях виноваты,
Моя судьба, лишь мы с тобой.
Мы не годимся в Дон-кихоты.
Нас не поймет XX век.
Очаг семейный и работа-
Вот весь удел твой, человек!
Ну, а поэзия и звезды?
Ну, а цветы и соловьи?
Ведь даже в сорок лет не поздно
мечтать о счастье и любви.
Ведь даже старость, даже старость
Способна на порыв любой.
А мы, душа, какая жалость,
Во всем изверились с тобой!
Давай, пожалуйста, не будем
Друг друга мучить, и страдать.
У нас в запасе столько буден,
Что можно все с нуля начать.
Прекрасен мир!
И пусть под солнцем
Не просто свой удел найти.
Нам эта жизнь лишь раз дается,
И мы с тобой еще в пути...

1986 год

И Я ПОЗНАЛ...

... Что в этом грешном мире- не солгу-
Есть не одни заливы Эльдорадо,
Где голые, роскошные наяды,
Вводя в соблазн, лежат на берегу;
Что в мире есть не только Совесть, честь,
Проспекты Славы, площади Свободы,
Но ямы есть помойные, и есть
Зловонные, каналов сточных воды...

1995 год

* * *

Продували в ненастье холодные ветры,
Застигала пурга в потемневших полях,
Но всегда мне казалась и доброй и светлой
Беспокойная русская наша земля.
Безоглядно любить- я умел это с детства,
Но с тех пор, как мне годы на плечи легли,
Ощущаются глубже и трепетней в сердце
Все печали и радости русской земли.
Сколько б ни было в жизни ветров и ненастий,
Сколько б раз я не мерз средь метельных полей,
Полыхает в груди беспокойное счастье,
Счастье быть гражданином Отчизны своей.

27.03.95 г.

* * *

Весна. Под ее синим взором
Творятся в сердцах чудеса.
Но что-то случилось с Трезором-
Скулит. Неприкаянно хмурый...
Все ясно. Похоже, что он,
пронзенный стрелою Амура,

В соседскую шавку влюблен.
Ну, что ж! Я тебя понимаю,
Мой верный , и преданный друг.
Ведь сам я изведаль немало
И счастья. И горьких разлук.
Я знаю, что правят над миром
От века любовь и весна.
Беги же, беги к своей милой,
Поди, уж заждалась она.

27.03.1995

ДОМАШНИЕ ГУСИ

Утро тронет березы, как гусли.
Ветерок пробежит по росе.
И летящие дикие гуси.
Растревожат домашних гусей.
Видно, в птицах живет изначально
Голос предков. зовущий в полет.
Так и кажется: в беге отчаянном
от земли оторвутся вот-вот...
До чего же тяжелые крылья!
Их подрезал вчера человек.
Не подняться. Напрасны усилья.
Обрывается грузный разбег.
Смотрят в небо с надеждою тайной
Разнесчастные птицы . И вдруг,
Строй нарушив, откликнется стая
И зайдет на посадочный круг.
Лишь над лугом уже наизлете
Передумает мудрый вожак
И собратьев в крутом развороте
Уведет на небесный большак.
Пусть желанной была эта встреча
И на отдых манила вода.
Но вспугнет их жилье человечье,
Где издревле таится беда.
... Ах, как хочется волюшки дикой!
Все же птицы, как их не суди.
И на миг от пронзительных криков
Перехватит дыханье в груди.
Мы вину вдруг почувствуем смутно,

Будто предали лучших друзей.
И до боли в душе почему-то
Жалко этих домашних гусей.

Август 1995 года

Родился Геннадий Тисленков в г. Боготол 4 июля 1950 года. Корреспондент газеты «Земля Боготольская». Член Союза журналистов РФ. Погиб 21 октября 1995 года. (в 45 лет). Так случилось, что при жизни ему не удалось издать ни одной книжки своих стихов. И лишь после его гибели я подготовила и издала на средства своей семьи 5-ть сборников стихов брата : 1-й сборник «Синица в небе»- 1988 г., 2-й «Страна чудес»-1999 год, 3-й «Жизнь бессмертна»- 2000 г. 4-й «Пой гитара!»- 2000 г., 5-й детский сборник «Подсолнышек»- 2005 г.,

В настоящее время подготовила к печати еще два сборника: это 6-й «Твои солдатские дороги» к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 7-й « Мой отчий край, души святыня» подборку стихов которого посылаю на ваш конкурс в надежде, что у меня появится возможность их публикации.

За ранее Вам благодарна. С уважением к Вам Самойкина Людмила Ивановна- мне 63 года- пенсионерка, увлекаюсь поэзией, иногда и сама пишу стихи. Большой архив рукописей брата не дает мне покоя, надеюсь , что его творчество когда-нибудь будет востребовано и по-достоинству оценено. В этом году 4 июля ему исполняется 65 лет со дня его рождения, а осенью 21 октября т.г. Исполнится 20 лет со дня его гибели. Эти две знаменательные даты совпали с годом литературы.

Мой адрес : 662000 . Красноярский край, г.Боготол
ул. Кирова дом 25 кв. 44
дом тел. 2-50-70 ; сот. 8-903-987-67-34

